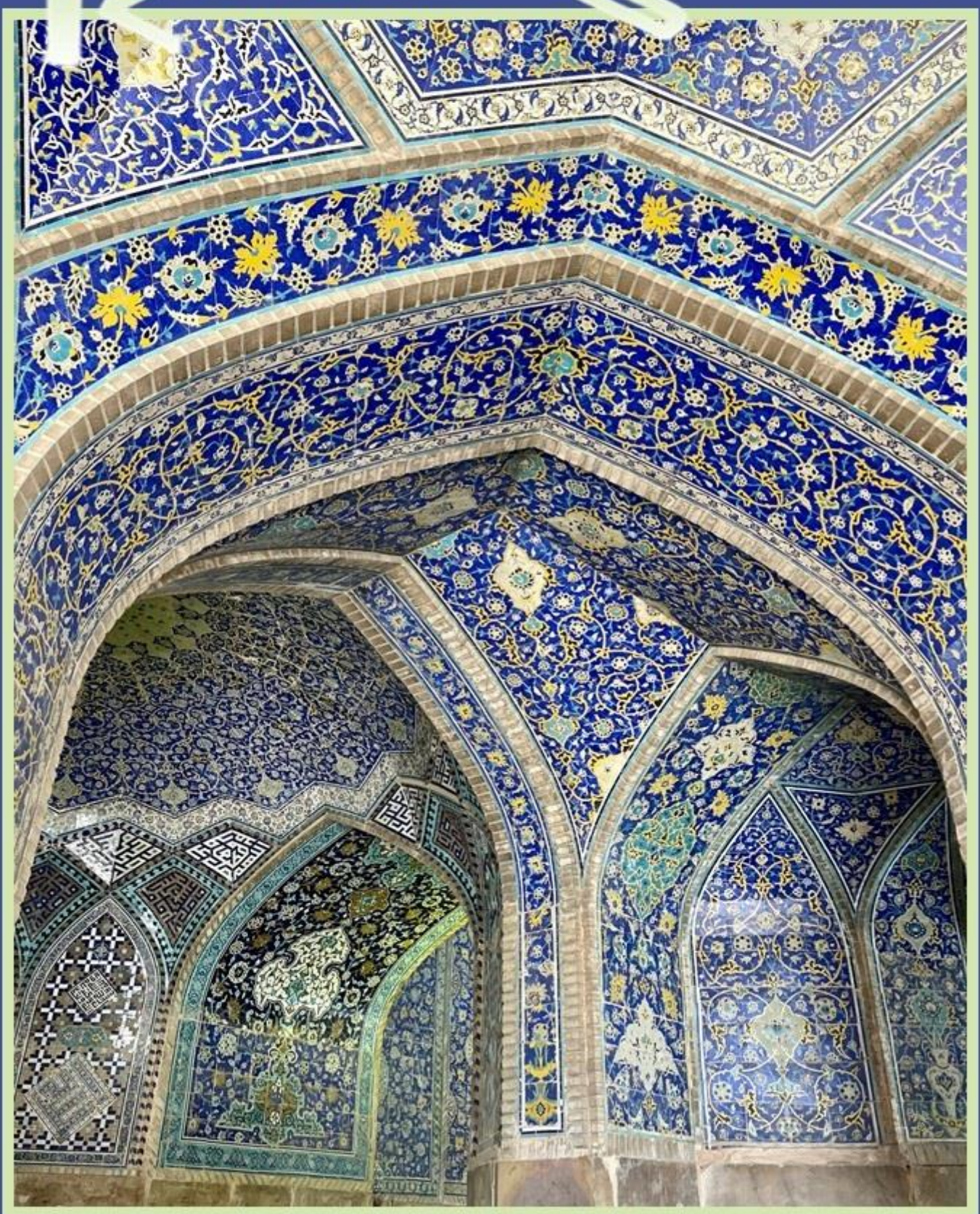

Карапет

№ 104, Март 2024

ОТ ДРЕВНОСТИ - К НАШИМ ДНЯМ

Во имя Бога

КАРАВАН

№ 104, Март 2024

Главный редактор: Сейид Хосейн Табатабай

Редактура текстов: Александр Кислий

Редакционный совет:

Нина Мамедова(Москва)

Алсу Арсланова (Казань)

Владимир Иванов(Москва)

Сафар Абдулло(Алматы)

Николай Джавахишвили(Тбилиси)

Татьяна Никольская(Москва)

Аликбер Аликберов (Москва)

Анна Березина (Москва)

Виктория Аракелова(Ереван)

Муртазали Гаджиев(Махачкала)

Михаил Синельников (Москва)

Эрадж Боев(Нижний Новгород)

Тамара Оленич(Ростов-на-Дону)

Мохсен Шоджайи(Тегеран)

Олеся Адамовская (Санкт-Петербург)

Эхсан Шавареби(Тегеран)

Алексей Филимонов (Санкт-Петербург)

Патимат Алибекова(Махачкала)

Компьютерный набор, вёрстка и дизайн: Сейид Маджид Лариджани

Дизайна логотипа: Павел Даллакян

Email:hoseintaba@gmail.com

Материалы, публикуемые в журнале «Караван», не обязательно

отражают точку зрения редакции.

Содержание

<i>Предисловие</i>	4
Знаменательные даты	6
Иранский биотехнолог Марьям Таджабади получила престижную премию Rania в Малайзии.....	7
Редкий поэт, прославивший «сердце мира» - Иран.....	11
В Казани открылась выставка исламской миниатюры и каллиграфии	14
Готовится спецвыпуск памяти Профессора Восканяна.....	18
Культура и искусство Ирана	20
<i>Абдолхосейн Зарринкуб, Заря Ислама Глава 5</i>	21
<i>Николай Джавахишвили, «Шахнаме» и иранская культура в мировоззрении грузин</i>	33
<i>Maia Karanadze, Iran during Hulaguian rule and its aftermath</i>	67
<i>Михаил Синельников, Поэзия Ирана, избранные переводы</i>	80
Современный Иран	62
<i>Наре Тоноян, Исламская Республика Иран или Персия?</i>	101
Современная литература	106
<i>Никита Николаенко, Вторая половина</i>	107
<i>Александр Балтин, К 300-Летию Махтумкули</i>	109
<i>Назар Шохин, Голубиный этюд</i>	115
<i>Дмитрий Колганов, О многогранности мышления</i>	120

Новые издания.....	.131
«Гулистан» (Розовый сад) наиболее известное из творений персидского поэта-моралиста Саади	132
<i>Достопримечательности Ирана.....</i>	.133
Остров Киш	134

Уважаемые читатели электронного журнала «Караван»!

Мы счастливы, что находимся рядом с вами, неся послание любви, мира и дружбы в то время, когда войны и насилие отбрасывают свою зловещую тень на разные части мира.

«Караван» — дорогой гость русскоязычных людей, интересующихся иранской культурой и искусством, и в 104-й на своем пути «караван-сарай» он привез вам множество стихов, рассказов и статей.

Мы благодарны всем дорогим авторам, которые своими добрыми и глубокими мыслями, выраженными в их статьях, вдохновляют нас продолжать наше путешествие, и надеемся, что наша дружба будет длиться так же долго, как и древняя дружба наших цивилизованных и культурных народов.

Еще раз напоминаем, что желающие могут также присылать свои статьи и материалы на английском языке для включения в журнал «Караван».

Мы высоко ценим сотрудничество с вами и надеемся, что вы пополните богатство «Каравана» своими произведениями – как научными статьями, так и сочинениями в свободном жанре.

Сейид Хосейн Табатабай

Главный редактор

Знаменательные даты

Иранский биотехнолог Марьям Таджабади получила престижную премию Rania в Малайзии

Профессор Марьям Таджабади, специалист по биотехнологиям из Ирана, получила премию Рания 2024 года в Малайзии, сообщает агентство IQNA.

В пятницу 23 февраля в столице Малайзии Куала-Лумпуре состоялась церемония награждения Премией Мусульманского мира Рания 2024 (The Muslim World Rania Award 2024). Название Рания происходит от санскритского слова, обозначающего «королева, царица». Таким образом, премия призвана показать роль женщины в развитии общества.

Награда присуждается за признание и высокую оценку достижений женщин по всему миру, также показывая примеры выдающихся мусульманок, которые достигли успеха в разных областях. В этом году ее вручение состоялось в третий раз на специальной церемонии во время проведения ежегодного мероприятия «Всемирный мусульманский женский саммит 2024» в Куала-Лумпуре.

Источник: agrofoodnews.com

На церемонии присутствовали супруга премьер-министра Малайзии Ван Азиза Ван Исмаил, министр по делам женщин, семьи и социальным вопросам Малайзии Нэнси Шукри, заместитель министра культуры и туризма Малайзии, дипломаты и гости из ряда мусульманских стран.

Ван Азиза Ван Исмаил вручила премию Рания 14 представительницам мусульманского мира, в своей речи поздравив обладательниц наград и подчеркнув роль женщин в укреплении фундамента и экономики семьи и общества. Также она перечислила ряд планов правительства Малайзии по расширению женского предпринимательства в стране.

Ван Азиза Ван Исмаил заявила: «Проведение этого конгресса дает четкий сигнал миру о реальном положении женщин в мусульманском мире».

Источник: agrofoodnews.com

Помимо доктора Таджабади, эту награду получили еще 13 женщин из Нигерии, Сенегала, Бахрейна, Объединенных Арабских Эмиратов, Сингапура и Малайзии.

Профессор Марьям Эбрахими Таджабади – биотехнолог из Тегерана. Ее основными областями специализации являются гестационный диабет, болезнь Вильсона, кисты яичников и синдром поликистозных яичников.

Значение Премии Мусульманского мира Рания выходит за рамки индивидуальных достижений, свидетельствуя о решающей роли женщин в продвижении семейных ценностей и развитии мировой экономики. Чествуя таких женщин, как Марьям Таджабади, мероприятие посылает мощный сигнал о значении их вклада в прогресс в мусульманском мире. Это признание не только открывает новые горизонты для премиантов, но и демонстрирует связь между расширением прав и возможностей женщин и общим процветанием общества.

Редкий поэт, прославивший «сердце мира» - Иран

В Институте Востоковедения Российско-Армянского университета прошла конференция, приуроченная ко Дню памяти великого иранского поэта Низами Гянджеви.

На конференции посол Ирана в Армении Мехди Собхани, поблагодарив организаторов мероприятия, рассказал о поэте. Он назвал творчество Низами - жемчужиной восточной литературы.

В свою очередь директор ИВ РАУ, профессор Гарник Асатрян подчеркнул историческую важность наследия поэта. «Низами Гянджеви - один из редких поэтов, который чётко артикулировал понятие Ирана, в частности, великого Ирана.

В одном из своих произведений Гянджеви прославляет Иран следующими словами: «Весь мир – это тело, а Иран – сердце». Конечно, идея о великом Иране, наиболее отчётливо и системно проявлена в произведении «Шах-наме» Фирдоуси в 10 веке, но Фирдоуси жил в ином времени, пространстве и измерении, а Низами - другом. Низами, несомненно, был носителем имперского иранского мировоззрения, что для его времени в 12 веке в условиях доминирования идеологии общемусульманской уммы, выглядит просто удивительно. С этой точки зрения просто смешно, когда ему приписывают иную, тюрскую, идентичность», - отметил директор ИВ, профессор Гарник Асатрян.

На мероприятии состоялся обмен мнениями о жизни и творчестве Низами Гянджеви, о популярности его наследия во всем мире, рукописях и других произведениях поэта, сохранённых в Матенадаране, о переводах стихотворений на русский язык и др.

Замруководителя представительства Россотрудничества в Армении Екатерина Андреева в своём выступлении рассказала о том, как российские специалисты, историки и литературоведы переводили произведения Низами Гянджеви.

Она напомнила, что в 1920-30-х годах русские переводчики и исследователи перевели новеллу из поэмы «Семь красавиц» (А. Е. Грузинский), небольшие прозаические переводы из той же поэмы и из «Лейли и Меджнун» и так далее.

Отметим, что мероприятие организовано Институтом востоковедения РАН совместно с посольством ИРИ в Армении и культурным центром Ирана в РА.

В Казани открылась выставка исламской миниатюры и каллиграфии

Работы исламской миниатюры и каллиграфии представлены на выставке под названием «Искусство как мост» в Государственном музее изобразительных искусств в Казани.

Как сообщает ИРНА, на выставке представлены 40 работ по миниатюре мастера Бадр ас-Сама, 15 работ по каллиграфии мастера Тавуси и 15 совместных работ мастера Тавуси и Лиры Солеймана.

На церемонии открытия выставки присутствовали преподаватели университетов, студенты, любители исламского искусства, а также генеральные консулы Китая, Венгрии, Турции и Туркменистана.

Давуд Мирзахани, генеральный консул Ирана в Казани, назвал искусство мостом для развития культурных связей и подчеркнул необходимость расширения деятельности в этой сфере.

На церемонии открытия выставки присутствовали преподаватели университетов, студенты, любители исламского искусства, а также генеральные консулы Китая, Венгрии, Турции и Туркменистана.

Давуд Мирзахани, генеральный консул Ирана в Казани, назвал искусство мостом для развития культурных связей и подчеркнул необходимость расширения деятельности в этой сфере.

Иранка заняла второе место на чемпионате мира по настольному теннису в Ливане

Иранская спортсменка Элина Рахими завоевала серебряную медаль на чемпионате мира по настольному теннису в Ливане. Об этом сообщил глава комиссии настольного тенниса города Махабад Али Ватмани.

«В финале турнира по настольному теннису WTT Youth Contender в Ливане в возрастной категории до 19 лет Элина Рахими завоевала серебряную медаль», отметил Ватмани.

Иранский чиновник добавил, что в финальном матче Рахими уступил своей индийской сопернице со счетом 3:1, заняв второе место в этом соревновании.

«Завоевав серебряную медаль на ливанском турнире по настольному теннису WTT Youth Contender, Рахими выиграла первую медаль среди иранских девушек для нашей страны в Новом иранском 1403 году», отметил глава комиссии настольного тенниса города Махабад.

По его словам, Элина Рахими в прошлом году играла в составе команды в немецкой Бундеслиге.

ГОТОВИТСЯ СПЕЦВЫПУСК ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВОСКАНЯНА

В 2024 году исполняется 100 лет со дня рождения недавно почившего профессора **Гранта Аванесовича Восканяна**, виднейшего филолога-ираниста русскоязычного мира, преподавателя персидского языка с полувековым стажем, автора знаменитого русско-персидского словаря, который выдержал несколько изданий в России и Иране.

Электронный журнал «Караван» планирует опубликовать специальный выпуск по случаю 100-летия профессора Г.А. Восканяна. В этой связи всем исследователям, иранистам, студентам и любителям иранской культуры предлагается принять участие в подготовке этого выпуска и представить в редакцию журнала свои материалы по следующим темам:

- Научная и педагогическая деятельность профессора Восканяна;
- Золотое поколение российских иранистов;
- Роль профессора Восканяна в иранистических исследованиях в России и других русскоязычных странах;
- Воспоминания о профессоре Восканяне;
- Персидский язык и его роль в расширении иранистики в русскоязычном мире.

Материалы принимаются до 30 июня 2024 года.

Культура и искусство Ирана

Абдолхосейн Зарринкуб

Перевод Исмагила Гибадуллина

ЗАРЯ ИСЛАМА

Абдолхосейн Зарринкуб (19 марта 1923 – 15 сентября 1999) – выдающийся иранский писатель, историк, литературный критик и переводчик. Он более четырех десятилетий преподавал в Тегеранском университете персидскую литературу, историю ислама и Ирана. Его труды по суфизму и наследию Джалал ад-дина Руми считаются наиболее авторитетными по этой тематике. Он является одним из ведущих иранских историков и автором известных работ по истории Ирана и ислама. Многие его работы стали бестселлерами на иранском книжном рынке благодаря его блестящему литературному стилю и манере подачи материала.

«Заря Ислама» – это одна из небольших по объему работ Абдолхосейна Зарринкуба, вышедшая в свет в 1990 году. В ней автор в краткой, но увлекательной и интересной форме рассказывает об условиях развития Мекки и Аравийского полуострова в период до рождения пророка Мухаммада и на протяжении его жизни, а также дает обзор раннего периода истории ислама после смерти Пророка вплоть до падения династии Омейядов в 750 году.

Глава 5

ПОСЛАНИЕ МУХАММАДА

да благословит его Аллах

и да приветствует!)

Эта миссия, которую Мухаммад (да благословит Аллах его и его род!) выполнял на протяжении двадцати лет, состояла в призыве к исламу — религии Единого Бога. Именно призыв к этому Единому Богу составлял основу ислама. Ислам призывал арабов из темного мира неверия, непокорности, лицемерия и раздора времен джахилии к вере, единству, дружбе и братству. Доисламскую жизнь курайшитов, которая была полна тирании и несправедливости, непокорности и злонравия, винопития

и прелюбодейства, беспощадности и душегубства, он называл ошибочной, а благую жизнь, которую он называл прямым путем (сират ал_мустахим), описывал как покорность Истинному (ал_Хакк)¹ и подчинение Его воле. Воля Господа, подчинение которой считалось условием подлинного принятия ислама, состояла в том, чтобы люди обратились к тому, что называлось «праведные деяния» (амал салих), и считали своей непреложной обязанностью воздержание от зла, непотребства, греха и несправедливости. страх перед Аллахом – это настоящий признак истинного мусульманина, а бесстрашие и наглость – это признаки неверия и безбожия. Кто подчинился велению Аллаха, тот от страха перед Ним никогда не будет чувствовать себя спокойно и безмятежно, а кто творит нечестие и несправедливость на земле, тот не подчинился Божьей воле.

Бог Мухаммада (да благословит Аллах его и его род!) – это Единый Бог, помимо которого нет другого божества. Он Живой и Самосуций. Все на небесах и на земле прославляет Его. Ему принадлежит власть и надлежит хвала. Он способен на всякую вещь. Он не взял себе никого в сыновья, и нет у Него сотоварищей в Его власти. Он сотворил всякую вещь и сделал ее соразмерной. Он отправил к неграмотным арабам посланника из их числа, дабы он читал им Его айаты, очистил их, обучил их Книге и мудрости, хотя прежде они были в очевидном заблуждении. Это его посланец Мухаммад является Посланником и рабом Божьим. Он, как и все другие люди, ест и ходит по базарам. К нему не нисходит с небес сокровище или сад, из которого он будет есть. Он ничем не отличается от других, кроме того, что ему дается

---

¹ Истинный (араб. ал_Хакк) – одно из имен Аллаха, упомянутых в Коране. (Примеч. пер.)

Божественное откровение. Это откровение, которое является посланием Единого Бога, есть Его Писание – Коран на арабском языке, который несет людям благую весть и внушает им страх. Это Писание, в котором нет сомнения и которое служит руководством для тех, кто благочестив, для тех, кто верует в сокровенное. Они совершают намаз и жертвуют из того, что дано им в удел. Это те, кто уверовал в его религию и религии прошлых пророков, убежденно верит в другой мир и получает руководство от своего Господа, именно они являются праведниками. Конечно же праведность присуща верующим: это те, кто страшится во время молитвы, сторонится напраслины, выплачивает свой закят и оберегает себя от всего недостойного... Это те, кто хранит свои заветы и вверенное им на хранение, блюдет время совершения молитвы. Но горе неверным, коих постигнет тяжкое мучение: это те, кто любит жизнь в этом мире больше другого мира, сходит с Божьего пути и хочет, чтобы и другие сбились, пребывая в длительном заблуждении. Да пребудет проклятие Аллаха над этими нечестивцами. Это те, кто сбивается с Божьего пути и отрицает другой мир. Но друзья Божьи не боятся и не печалются. Это те, кто уверовал и совершал праведные деяния, выстаивал молитвы и выплачивал закят. Их награда – у их Господа, не имеют они страха и не будут опечалены. Но неверным, которые привыкли к неверию и неблагодарности, все равно, внушают им страх или нет, будто бы Аллах запечатал их сердца, наложив пелену на их уши и глаза. Когда им говорят: «Не распространяйте нечестия на земле», они говорят: «Мы совершаем праведные дела», а когда им говорят: «Уверуйте так же, как и другие люди», они говорят: «Как же мы уверуем, подобно безумцам?» Когда им говорят: «Следуйте тому, что вам ниспослал Аллах», они говорят: «Нет. Мы следуем той религии,

в которой застали своих отцов», хотя их отцы ничего не обрели и не были на прямом пути. Они глухи, немые и слепы, но не понимают. Тем, кто стал неверующим, никогда не принесут пользу их имущество и дети перед лицом гнева Божьего, и они станут растопкой для ада.

Страх перед Богом был источником и основой новой морали, которой обучал и которую заповедовал своим последователям Мухаммад (да благословит Аллах его и его род!). Этот страх перед Аллахом, вопреки мнению некоторых исследователей, не был для него лишь средством устрашения его противников, а скорее служил источником и основой аскезы и благочестия. С таким Божественным откровением, которое подрывало основания жизни курайшитской аристократии, наполненной праздностью и несправедливостью, и открывало новый путь перед слабыми и бедняками, не следует удивляться тому, что курайшиты и те, кто попал под влияние их речей, настолько сопротивлялись посланию Мухаммада, так мучили, обижали и издевались над ним. Для тех, кто до такой степени погряз в нечестии и грехах, это Божественное послание должно было быть чем-то шокирующим и внушающим страх. В этих Божьих айатах постоянно повторяется мотив Божьего гнева и наказания, и многобожникам постоянно напоминают об ужасающем наказании Судного дня.

Это непременное и неотвратимое наказание, которое предвещал Мухаммад (да благословит Аллах его и его род!), было не так уж и далеко от неверных. В соответствии с этими угрозами, содержащимися в его откровении, в любой миг и в любой из дней жителей Мекки могла постигнуть Божья кара и уничтожить всех в пламени Его гнева, как это когда-то случилось с адитами, народами Нуха и Лута. Дни и месяцы проходили, но на этот Божий гнев не было

ни единого намека. Неверные смеялись: «Так когда же наступит тот день?» Хотя Пророк и не знал того часа, когда наступит Судный день, ниспосылавший ему откровение Творец утешал его тем, что этот день когда-нибудь наконец наступит: этот день настанет и это дело осуществится. Неверные считают его далеким, но рано или поздно они его увидят. Пусть они теперь предаются своим забавам, пока не настанет тот день. Тот день неотвратим, никто и ничто не помешает Аллаху устроить его. В тот неотвратимый день, когда подуют в трубу, горе постигнет тех, кто счел ложью слова Пророка. В тот день, который, несомненно, настанет, небо станет рыхлым и разрушится. Оно будет казаться подобным сгусткам масла или расплавленной меди, горы придут в движение, и на их месте останется вода. Землю с горами поднимут и разобьют друг о друга. Земля извергнет свою ношу и расскажет свои известия. Небо разверзнется и станет вратами. Горы взлетят на воздух, подобно окрашенной и взбитой шерсти. Люди спешно выйдут из своих могил: глаза будут опущены от страха, и будет вид их презренным. Они будут летать стаями, подобно разлетающимся мотылькам. Там не будет ни тени, ни чего-либо, что избавило бы человека от жара огня.

В такой день каждый будет помнить лишь о себе и не будет никаких уз. Грешнику захочется отдать свою жену, детей, братьев и всех своих близких, чтобы спасти свою душу от наказания. Но огонь будет разгораться и устремляться к тем, кто в этом мире отвернулся от Бога и старался копить богатство. Это и есть ад, который обещан неверным. Ад – это их пристанище и место их возвращения, где они проведут долгие годы. Там они не вкусят ни сна, ни глотка воды, кроме кипятка и холодного гноя. Это их достойное воздаяние за то, что они в этом мире

сочли ложью послание Бога и Его Пророка. Таким образом, беззаконники узрят свое воздаяние, а праведники получают свою награду².

Нравственные основы ислама, которые стали источником изменений в судьбе арабов и всего мира, опираются на это самое загробное воздаяние. Конечно, мощь и величие Единого Бога охватывают все сущее, все происходит по Его воле и желанию, но человек тоже несет ответственность за свои деяния и должен будет ответить перед Господом за все, что содеял. За добрые и плохие деяния будет расчет, и на том свете человеку достанется то, что он приобрел своим трудом и деяниями. Конечно, в этом мире праведность состоит не в том, чтобы обратить свой лик к востоку или западу. Праведник – это тот, кто уверовал в Бога, Судный день, ангелов, писания и пророков, жертвует свое имущество на пути Аллаха своим родственникам, сиротам, беднякам, обездоленным и рабам, совершает молитву и выплачивает закят. Только те, кто верен своим договорам, проявляет терпение в битвах и трудностях, говорит правду, считаются подлинными благочестивцами³. Именно эти моменты в послании Мухаммада (да благословит Аллах его и его род!) ставят нравственность на одну чашу весов с религией. Конечно, в откровении Мухаммада нет всепрощения в том виде, как оно представлено в христианстве, но в его религии не допускается также ненависть и жестокость. Верующими считаются те,

---

² Здесь приводятся следующие аяты Корана: 2:3, 12:64, 2:25, 2:62, 7:8, 25:25, 41:2, 2:2, 2:24, 22:29, 14:23, 11:19, 10:62–63, 3:277, 2:67, 2:11–13, 2:169, 2:170. Большая часть этих выражений представляет собой извлечения и перевод аятов Священного Корана. Для полного текста этих аятов обратитесь к Священному Корану.

³ Коран: 2:176.

кто сторонится великих грехов и дурных деяний, а когда гневаются, то воздерживаются от греха⁴, потому что отчаяние в милости Господа также не приветствуется. Кораническое послание – это не призыв к отчаянию и затворничеству, это послание труда и надежды, послание Божьей щедрости и прощения, которое напоминает грешнику о наказании за его прегрешение, но не лишает его надежды. Обязанность человека по отношению к этому щедрому и прощающему, но в то же время строгому и скрупулезному Богу, состоит в том, чтобы быть набожным и благодетельным. Воздержание от винопития, азартных игр, прелюбодеяния и разврата, ростовщичества, притеснения других, грабежей и воровства – это вещи, без которых благочестие и праведность невозможны. Превыше всех этих грехов приобщение Аллаху кого-либо или чего-либо в сотоварищи, которое никогда не прощается. Это многобожие, когда что-либо считают сотоварищем Аллаху, является недопустимой несправедливостью по отношению к Богу, а потому оставление многобожия и борьба со всяким многобожием – это первейшая обязанность каждого мусульманина.

В коранической этике и учении обращает на себя внимание социальный аспект. В этом учении добро и справедливость являются религиозной обязанностью. Богатый обязан помогать бедному. Сироты, беспомощные и обездоленные имеют право на милостыню, которая является непреложной обязанностью каждого богатого. Освобождение рабов – это деяние, которое будет вознаграждено Всевышним.

Убийство детей из страха бедности недопустимо, и Господь взывает за это. Доброе отношение к родителям – это не только нравственный долг, но и установленная Богом обязанность. В отношении жены, а мужчина может брать в жены двух, трех и даже четырех женщин, обязательным условием является соблюдение справедливости, а также следует не забывать о ее праве на любовь и уважение. В этом учении принцип воздаяния равным за равное (кисас), на котором конечно же зиждется жизнь бедуинов, в исламе опирается на справедливость. Однако обычай ростовщичества и правило наследования старшим ребенком в семье, которые были приняты у арабов и способствовали концентрации богатства в руках малочисленной группы людей, обрекая остальных на вечную и хроническую нищету, были отброшены исламом, который установил другой принцип наследования.

Именно подчинение этим Божественным законам называется исламом, и миссия, которую Мухаммад (да благословит Аллах его и его род!) исправно выполнял на протяжении двадцати трех лет своего призыва, состояла в том, чтобы призывать людей к этому смирению – смирению перед Божьей волей. Кто внял этому призыву, тот называется верующим и мусульманином. Именно к ним Коран обращается на языке откровения, знакомя их с шариатом, дозволенным (халал) и запретным (харам): «О вы, которые уверовали! Вкушайте дозволенные блага, которыми Мы наделили вас, и будьте благодарны Аллаху, если только вы поклоняетесь Ему. Он запретил вам мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, что принесено в жертву не ради Аллаха. Если же кто-либо вынужден пойти на это, не домогаясь запретного, не проявляя ослушания и не преступая пределы необходимого, то нет на нем греха.

Воистину, Аллах – Прощающий, Милосердный»⁵. «О вы, которые уверовали! Когда вы приступаете к совершению молитвы, то умойте ваши лица и руки до локтей, протрите головы и ноги до щиколоток», «О вы, которые уверовали! Вам предписан пост, подобно тому, как он был предписан тем, кто жил до вас, – быть может, вы станете богобоязненными», «О вы, которые уверовали! Не водите дружбы с теми, кто насмехается над вашей религией и считает ее забавой, из числа тех, которым до вас было даровано Писание, и не дружите с неверными. Бойтесь Аллаха, если вы верующие», «О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха и, если вы уверовали, простите ту лихву, что прежде причиталась вам».

Таким образом, в Божьих аятах постепенно ниспосылались начала религии, а также утверждался шариат и Закон Божий. В действительности какая-то часть этих заповедей и законов была ниспослана в Мекке, так что во время хиджры части сподвижников в Эфиопию, помимо намаза, мусульманам были вменены в обязанности также некоторые другие нормы и ритуалы. Например, Джафар ибн Аби Талиб, рассказывая эфиопскому негусу о заповедях мусульман, перечислял среди них запрет на прелюбодеяние и ростовщичество, употребление в пищу крови и мертвечины, несправедливое пролитие крови, необходимость справедливости и благодеяния, а во время присяги аус и хазрадж от ансаров требовалось соблюдение определенных заповедей. Однако основная часть исламских заповедей была установлена именно в Медине, в ходе различных событий и обстоятельств, происходивших с членами уммы. После того, как

⁵ Коран: 5:2, 2:171, 2:6, 5:182, 57:184, 3:278.

Мухаммад (да благословит Аллах и приветствует его и его род!) ступил на землю Медины, мусульмане устроили мечеть в местечке под названием Куба, чтобы совершать там молитву. Михраб⁶ этой мечети был обращен в сторону Байт ал-Макдиса (Иерусалима), и на протяжении какого-то времени после битвы при Бадре все мусульмане обращались в молитве в направлении этой киблы⁷. Спустя какое-то время Пророк однажды во время молитвы повернулся лицом в сторону Мекки. С того времени, в соответствии с Божественным откровением, киблой мусульман во время молитвы стала Кааба. По прошествии небольшого промежутка времени было ниспослано повеление о посте в месяц Рамадан. До этого был предписан пост в десятый день месяца мухаррам – ‘Ашура. Предписание совершать молитву и выплачивать очистительную милостыню (закят) на Праздник разговения (‘Ид ал-фитр)⁸ также было ниспослано примерно в то же время. Другие заповеди постепенно ниспосылались на протяжении многих лет по случаю тех или иных обстоятельств или условий. Например, в тот самый первый год (после хиджры, – *Примеч. пер.*), судя по всему, во избежание разногласий и ревности между мухаджирами и ансарам, была ниспослана заповедь о *кисас*⁹ и *дийа*¹⁰. Тем не менее предпочтение

---

⁶ Михраб – ниша в стене мечети, которая указывает направление на Мекку (киблу). (*Примеч. пер.*)

⁷ Кибла – направление в сторону священной Каабы в Мекке, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправления ряда ритуалов. (*Примеч. пер.*)

⁸ ‘Ид ал-Фитр (Праздник разговения) – исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста месяца Рамадан, который отмечается в первый день месяца шаввал. (*Примеч. пер.*)

⁹ Кисас – категория преступлений в исламском праве, за которые оно устанавливает точную санкцию в виде наказания, равного по тяжести совершенному преступником деянию. (*Примеч. пер.*)

отдавалось прощению, а не наказанию. Распространение ислама и защита мусульман предполагали сражения с многобожниками, и изначально, как представляется, предполагалось по большей части отражение вражеских нападений. Однако союз мекканских многобожников с иудеями и другими арабами ставил под угрозу ислам и Медину. Это обстоятельство привело к тому, что на второй год хиджры была дана заповедь о джихаде, вслед за которой следовали заповеди о походах против неверных (газават), разделе боевых трофеев и хумсе¹¹. Затем была ниспослана заповедь о наследстве в связи с сыновьями Сада ибн ар-Рабиа¹², наследством которых завладел их дядя, а также имуществе покойного Ауса ибн Сабита¹³, чьи племянники не хотели ничего давать его жене и дочерям. На четвертый год хиджры (625–626 гг. – *Прим. пер.*), в связи с историей Бану ан-Надир, была ниспослана заповедь о запрете на вино, хотя ранее указывалось на греховность винопития, и совершение молитвы в пьяном виде было запрещено. Также в том году пришла заповедь о телесном наказании (хадд) за воровство: отсечении руки вора. Поводом послужил случай,

---

¹⁰ Дийа – в исламском праве компенсация, которую должен заплатить виновник преступления, совершённого неумышленно (убийство, ранение или увечье). (*Примеч. пер.*)

¹¹ Хумс (*араб.* пятая часть) – обязательный налог, установленный в Коране (41-й аят суры «ал-Анфал»), который во времена пророка Мухаммада выплачивали с военных трофеев, а мусульмане-шииты выплачивают со своего ежегодного дохода в пользу потомков Пророка. (*Примеч. пер.*)

¹² Сад ибн ар-Раби: (ум. 625) – сподвижник пророка Мухаммада, которого Пророк сделал побратимом с Абд ар-Рахманом ибн Ауфом, и он настоял на том, чтобы отдать своему названому брату половину своего имущества и один из двух своих садов. (*Примеч. пер.*)

¹³ Аус ибн Сабит (ум. 625) – сподвижник пророка Мухаммада, погибший в битве при Ухуде. (*Примеч. пер.*)

когда один мусульманин украл из дома другого мусульманина доспех. Заповедь о телесном наказании за прелюбодеяние была ниспослана в Медине, хотя о запретности этого деяния говорилось еще в Мекке. История «Айиши»¹⁴ и возведенной на нее клеветы после случая с Бану-Мусталик¹⁵ вызвала пересуды и завершилась ниспосланием заповеди о клевете. На восьмой год хиджры была дана заповедь о закяте с указанием порядка и всех подробностей процедуры его выплаты. На следующий год Пророком были отправлены во все концы сборщики закята, чтобы собрать его с населения. Заповедь о хадже была ниспослана на девятый год хиджры, и хотя Пророк совершал до этого «умру», он довел до людей заповеди о совершении хаджа через год после завоевания Мекки. На третий год хиджры, чуть позже битвы при Ухуде, была дана заповедь о многоженстве, а также заповедь о близких родственниках (махрам) и тех людях, вступление в брак с которыми не является дозволенным. Однако предписания ислама по поводу бракосочетания во многом исправили и привели в равновесие порядки и правила времен джахилии. Кроме этого, в других делах, как только предоставлялась возможность, постепенно ниспосылались Божьи заповеди. К тому же, если чего-то не было в Божьих аятах, это регулировалось распоряжением Пророка.

Таковы были шариат и вероучение, которые разъяснялись в ходе пророческой миссии Мухаммада (да благословит Аллах и приветствует

---

¹⁴ «Айиша бинт Аби Бакр (ум. 678) – третья и самая младшая жена пророка Мухаммада, дочь Абу Бакра. (Примеч. пер.)

¹⁵ Бану Мусталик – арабское племя, представлявшее одну из ветвей Бану Хуза-а и занимавшее территорию между Джиддой и Рабигом. (Примеч. пер.)

его и его род!), и Пророк на протяжении двадцати трех лет терпел трудности, доводя их до людей. Эта миссия коренным образом изменила жизнь арабов и привела к единству и сплоченности тех, кто от своей гордыни и порочности из-за джахилии, казалось бы, был обречен на вечные раздоры и разрозненность. Она устранила среди них племенной фанатизм и разногласия времен джахилии, связав их узами братства и равенства. Таким образом, те мусульманские паломники, которые во время прощального хаджа с Пророком ответили на его вопрос: «Выполнил ли я свою миссию?» — «Да, выполнил», были правы.

Академик Николай Джавахишвили,

доктор исторических наук, профессор Тбилисского

государственного университета имени Иване Джавахишвили;

Главный научный сотрудник Института истории

и этнологии имени Иване Джавахишвили;

Иностраннный член Латвийской Академии наук

«Шахнаме» и иранская культура

в мировоззрении грузин

История грузино-иранских взаимоотношений уходит своими корнями в глубь веков. Древнейшая и богатейшая иранская

литература издревле пользуется популярностью в Грузии. Среди них почётное место занимает уникальная эпическая поэма «Шахнаме» («Книга царей»), автором которой является выдающийся поэт – Фирдоуси (ок. 940-1020), тот же Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси (по-персидски – حکیم ابوالقاسم فردوسی توسی). Этот национальный эпос иранских народов (группа народов общего происхождения, разговаривающих на иранских языках индоиранской ветви индоевропейской языковой семьи) пользуется огромной популярностью, а его автор считается национальным поэтом и классиком иранской литературы как в Иране, так и в Таджикистане и Афганистане.

Эпизоды, упомянутые в этой статье, подтверждают тесную связь между иранской культурой и грузинами, в том числе и Иосифом Виссарионовичем Сталиным (1878-1953), тем самым Джугашвили,¹ который был единоличным лидером СССР в течение почти треть века.

Предлагаемая статья, которая наглядно демонстрирует давний и традиционный характер грузино-иранских культурно-литературных связей, состоит из шести частей.

1) «Шахнаме» в мировоззрении грузин

Среди зарубежной светской литературы самый большой след на мировоззрении грузинского народа оставила поэма «Шахнаме». Грузинские версии этого героико-рыцарского эпоса появились еще в

---

¹ Джавахишвили Н., «Шахнаме» в мировоззрении грузин. Древнеперсидский эпос и Грузия, историко-познавательный журнал «Историяни», Тбилиси, 2020, № 112, стр. 28-37 (на грузинском языке).

средние века. В эпоху Возрождения в Грузии были созданы переводы этого произведения, как поэтические («Ростомиани», «Заакиани», «Утрутиан-Саамиани»), так и прозаические («Фридоуниани», «Утрутиан-Саамиани», «Книга Саама Палавани».²

В Грузии существует несколько переводов «Шахнаме» и научных трудов о нём, так что эпос изучен должным образом.³

Об особой популярности «Шахнаме» свидетельствует тот примечательный факт, что имена героев этого произведения и в прошлом носили, и до сих пор носят в Грузии.⁴

В древности в Грузии широко были распространены имена следующих героев «Шахнаме»: «Ростом», «Ушанг», «Кайхосро», «Хосро», «Луарсаб», «Джемшид» и другие, которые в настоящее время относительно редко встречается.

Количество граждан Грузии, носящих имена героев «Шахнаме», официально известно по состоянию на 1 февраля 1995 года (в скобках указана соответствующая цифра, по численности): «Зураб» (49789), «Гиви» (27338), «Теймураз» (20813), «Фридон» (5547), «Годердзи» (5235), «Бежан» (4724), «Заал» (2869), «Манучар» (4276) и другие.⁵

Из имен, упомянутых в «Шахнамеше» (кроме вышеуказанных) происходят ряд грузинских фамилий (число их носителей известно по приведенным ниже данным), например, от «Зураба» – Зурабашвили

² Гвахария А., Фирдоуси Хаким Абулькасим Туси, «Грузинская советская энциклопедия», т. XI, Тбилиси, 1986, стр. 330 (на грузинском языке).

³ Жоржолиани Л., «Шахнаме» Фирдоуси в Грузии, Тбилиси, 2016, стр. 9-38 (на грузинском языке).

⁴ Жоржолиани Л., Наблюдения над собственными именами грузинских версий «Шахнаме», Тбилиси, 2011, стр. 15-118 (на грузинском языке).

⁵ Силагадзе А., Тотадзе А., Фамилии и имена в Грузии, Тбилиси, 1997 (на грузинском языке).

(1733), Зурабишвили (1344), Зурабиани (1272), Зурашвили (783), Зуребиани (281) и Зурабаули (63), от «Бежана» – Бежанишвили (2334), Бежанидзе (1665), Бежанеишвили (53), Бежашвили (877), Бежиашвили (413), Бежикелашвили (39), Бежикошвили (29), от «Ростома» – Ростомашвили, Ростомаули (22), Ростиашвили (1946), Ростошвили (103), Росташвили (21), от «Гиви» – Гивишвили (364), Гивиашвили (200), от Годердзи – Годердзишвили (1594), Годердзаули (26), Годеридзе (751), от «Заала» – Заалишвили (1741), от Джемшида – Джимшиташвили (610), от «Фридона» (того же «Афридона») – Фридонашвили (647), Фридонишвили (163) и Афридонидзе (818), от «Хосро» – Хосрошвили (531), Хосруашвили (297), Хосриашвили (70), от «Луарсаба» – Луарсабишвили (230), от «Кайхосро» – Кайхосрошвили (55), от «Теймураза» – Теймуразишвили (35), от «Манучара» – Мамучарашвили (297), от «Залдастана» – Залдастанишвили, от «Заака» (того же «Заки») – Закаидзе (1347), Закашвили (230), от «Зирака» – Зиракашвили (901), Зиракадзе (510), Зиракишвили (328) и Зиракидзе (22), от «Мурада» – Мурадашвили (1704), Мурадели (74), Мурадишвили (34), от «Саама» – Саамишвили (43), от «Барама» – Барамашвили (592), Барамадзе (176), Барамия (1385), Барамишвили (45), Барамидзе (4000), от Тамаза (того же Тахмасба) – Тамазашвили (1532) и Тамазишвили (55), от «Паремуза» – Паремузашвили (64), от «Наримана» – Нариманишвили (329), Нариманашвили (135) и Нариманидзе (1832), от «Апрасиаба» (того же Афрасиона) – Апрасидзе (620), от «Кумси» – Кумсиашвили (766) и Кумсишвили (121), от «Утрута» – Уруташвили (28), от «Шабура» – Шабуришвили (210), от «Асланджи» – Асламазишвили (467) и Асламазашвили (429), от «Нодара» (того же «Невзара») – Нодаришвили (92) и Нодаридзе (44), от «Ушанги» – Ушангишвили (22) и

другие. От имени одной из героинь этого произведения – «Маниже» – происходит фамилия Манижашвили, носители которой составляли 410 человек.⁶

Грузинские дворянские фамилии Госташабишвили (ветвь князей Бараташвили) и Абульвардишвили произошли от мужских имён: Гостапп (Гоштасб) и Абульвард.

Здесь же добавим, что имена некоторых героев «Шахнаме» – Луарсаба, Ростома, Кайхосро и Теймураза – носили грузинские цари, представители тысячелетней царской династии Багратионов (по-грузински – Багратиони). Среди них были: 1) царь Луарсаб I, правивший Карталинией (по-грузински – Картли) в 1527-1556 годах; 2) царь Луарсаб II (1592-1622), правивший Карталинию в 1606-1615 годах; 3) царь Ростом I (1565-1658), правивший Карталинией в 1633-1658 годах, а в 1648-1656 годах – Карталино-Кахетией (по-грузински – Картл-Кахети); 4) царь Кайхосро I (1674-1711), который в 1709-1711 годах только юридически считался царём Карталинии, потому что в это время, по приказу Шахиншаха Солтана Хусейна I Сефевиды (царствовал в 1694-1722 годах), находился в Афганистане; 5) царь Теймураз I (1589-1663), правивший Кахетией в 1606-1648 годах, а в 1625-1632 годах – Карталино-Кахетией; царь Теймураз II (1700-1762), правивший Кахетией в 1732-1744 годах, а в 1744-1762 годах – Карталинией.

Таким образом, по распространению имён героев «Шахнаме» и превращению их в грузинские фамилии Грузия занимает одно из ведущих мест в мире.⁷

2) «Шахнаме» в мировоззрении молодого революционера Иосифа Джугашвили

Признанный вождём мирового пролетариата, единоличный правитель СССР Иосиф Виссарионович Сталин (1878-1953) еще в юности проявил интерес к иранской культуре, литературе и особенно к «Шахнаме». Это началось еще тогда, когда он включился в революционную деятельность и носил фамилию «Джугашвили».

Одна из групп Российской социал-демократической рабочей партии, образовавшихся в конце XIX века в Тифлисе (тогдашнее официальное название столицы Грузии – Тбилиси), действовала в главных промыслах Закавказской железной дороги, где работал уроженец села Метехи Горийского уезда региона Карталинии – Соломон Григорьевич Азмайпарашвили (1853-1925), который обосновался в Надзаладеви – в одном из районов северо-западной части города.

Летом 1900 года начались всеобщие забастовки тифлисских революционных рабочих на железной дороге, в которой участвовало свыше 4 тысяч человек. Тогда был поднят вопрос о создании подпольной типографии.

Летом того же года Тифлисский комитет Российской социал-демократической рабочей партии открыл в Закавказье типографию первого этажа. Типография располагалась в подвале дома вы-

---

⁷ Джавахишвили Н., «Шахнаме» в мировоззрении грузин. Древнеперсидский эпос и Грузия, историко-познавательный журнал «Историяни», Тбилиси, 2020, № 112, стр. 28-30 (на грузинском языке).

шеупомянутого железнодорожного рабочего. Этот дом, который в свое время был одним из главных мест сбора революционных рабочих, ныне находится по адресу: улица Василия Тамарашвили № 19 в Надзаладевском районе. Нелегальная типография там действовала до весны 1901 года.

Исследователь истории Тбилиси Теймураз Беридзе указывает, что в Надзаладеви «летом 1900 года в доме революционно настроенного рабочего С. Азмаирапашвили была организована первая в Закавказье нелегальная типография, где печатались боевые призывы и прокламации». ⁸

В этот же период на территории Закавказья была создана вторая нелегальная типография в районе Чугурети, который граничит с Надзаладеви. Очередная нелегальная типография была основана в районе Авлабари, который граничит с Чугурети. Нелегальные типографии были основаны и в других городах Грузии. Эти типографии печатавали прокламации, газеты и брошюры.

Большой вклад в создание напольных печатных станков в Грузии внесли как Иосиф Виссарионович Джугашвили, так и Владимир (Лад) Захарьевич Кецохели (1876-1903) и Сильвестр (Силибистро) Ясевич Тодрия (1880-1936). ⁹

Грузинский литературовед Леван Асатиани писал: «Издание нелегальных газет в Закавказье было широко распространено с начала двадцатого века... Видимая часть прокламаций была написана лично

⁸ Беридзе Т., Надзаладеви, "Грузинская советская энциклопедия", т. VII, Тбилиси, 1984, стр. 342 (на грузинском языке).

⁹ Гегешидзе З., Нелегальные большевистские типографии в Грузии, "Грузинская советская энциклопедия", т. I, Тбилиси, 1975, стр. 536 (на грузинском языке).

И. Б. Сталиным... Прокламации также отличаются своим художественным достоинством. В этих прокламациях автор часто прибегал к поэтическим образам и сравнениям, а также к народным выражениям, пословицам и остроловию. Нередко встречаются характерные струны из известных поэтических произведений». ¹⁰

Внук Соломона Азмайпарашвили – профессор второго департамента хирургии Грузинского медицинского университета, доктор медицинских наук Гия Алексеевич Азмайпарашвили (1957 г.р.) вспоминает: «Мой дед Гавриил (Габриэл) Соломонович Азмайпарашвили (1894-1978) рассказывал истории, связанные с нелегальной типографией, некогда существовавшей в подвале нашего родного дома, которые он слышал от своего отца. Когда прадед Соломон умер, Гавриил был уже взрослым и хорошо помнил воспоминание своего отца. Семью Соломона систематически посещали известные революционеры, в том числе Ладо Кецохели, Михаил Калинин, Силибистро Тодрия, Михаил Бочоридзе, Закария (Захарий) Чодришвили, Михаил (Миха) Цхакая, Александр (Алёша) Сванидзе (брат первой жены Сталина), братья – Вано (Иван) и Георгий Стуруа, Иосиф Джугашвили и другие. Последнего друга называли «Сосо» (грузинская сокращённая версия имени «Иосиф»). Ему было всего двадцать лет и был недавно исключён из Тифлисской духовной семинарии. У этого невысокого, дымчато-загорелого молодого человека были удивительно умные глаза, которыми он отличался от всех. Его одарённость, смекалку и целеустремленность очень ценил Соломон. Он был на 25 лет старше Сосо и опекал его, как собственного сына.

---

¹⁰ Асатиани Л., Сталин и вопросы грузинской литературы (очерки), Тбилиси, 1954, стр. 36-37 (на грузинском языке).

Сосо особенно интересовался прессой, которая постоянно была у Соломона дома, а часть её сохранилась до наших дней. Когда за столом собирались пожилые революционеры, Сосо пил мало. Вообще, он некогда не пьянел. Поскольку у него был прекрасный слух и чистый голос, по просьбе друзей часто пел грузинские народные песни. Он с интересом наблюдал за происходящим и внимательно слушал своих старших товарищей. Он считал себя уже опытным революционером, проявлял качества лидера и не терпел замечаний своих старших товарищей. У него был вспильчивый характер, но после взрыва, скоро успокаивался. Юный Сосо любил читать художественную литературу. В его распоряжении была богатая библиотека, хранящая в доме моего прадеда. Его любимым произведением был «Отцеубийца» известного грузинского писателя Александра Казбеги (1848-1893). Имя друга главного героя этого произведения Яго Гогобаидзе (историческая форма этой фамилии – Огбаидзе, а одна из ветвей – Гогбаидзе) – «Коба» – Сталин выбрал своим партийным прозвищем. Он с интересом знакомился как с грузинской, так и с зарубежной литературой, особенно с «Шахнаме» Фирдоуса – книга в то время хранилась в нашем доме. В доме моего прадеда – Соломона, где мы до сих пор живём, кроме революционеров и в том числе Михаила Калинина, часто гостили выдающиеся грузинские и русские писатели, в том числе Акакий Церетели, Важа-Пшавела, Максим Горький и другие». ¹¹

Профессор Гия Азмайрапашвили показал мне мемориальную доску, прикреплённую на фасаде родного дома в 50-ых годах

¹¹ Джавахишвили Н., первая нелегальная типография действовал в Надзаладеви, историко-познавательный журнал «Историани», Тбилиси, 2016, № 65, стр. 29-30 (на грузинском языке).

прошлого века, ныне хранящуюся его доме, на которой есть надпись: «В подвале этого дома с лета 1900 г. до весны 1901 г. помещалась первая нелегальная типография Тифлисского комитета РСДРП».

Отметим также, что вышеупомянутый Михаил Калинин (1875-1946), ставший впоследствии государственным деятелем СССР, в молодости был арестован за революционную деятельность и весной 1900 года выслан из Санкт-Петербурга выслан в Тифлис. Работал в главных цехах Закавказской железной дороги. Являлся членом Тифлисской организации Российской социал-демократической партии и участвовал в забастовке рабочих в августе того же года. За это он был арестован и заключен в Метехскую тюрьму. Он был председателем Центрального исполнительного комитета РСФСР, а затем СССР, а в 1938-1946 годах – Президиума Верховного Совета СССР.

Что касается приведенных выше воспоминаний о том, что юный Сосо любил читать литературу, то в этой связи считаем необходимым привести отрывок из книги английского историка, писателя и журналиста Саймона Джонатана Себага-Монтефиоре «Сталин. Двор Красного монарха»: «Сталин не только восхищался настоящей литературой и ценил её, он умел отличать гениев от бездарей. Страсть к чтению книг у него родилась еще в 1890-х годах. Сталин утверждал, что прочитывал каждый день по пятьсот страниц.. Принимая во внимание литературные вкусы и пристрастия этого сына сапожника и прачки, его следует считать интеллектуалом. Не будет большим преувеличением сказать, что Иосиф Сталин был самым начитанным правителем России, начиная от Екатерины Великой...

Он был даже начитаннее Владимира Ленина, который слыл большим интеллектуалом и к тому же получил дворянское образование... Личная библиотека Сталина состояла из 20 тысяч томов, причем все они были, что называется, зачитаны до дыр. Здесь имелись книги по самым разным темам, самых разных писателей... То, что он читал не для развлечения, а очень серьезно, видно хотя бы по пометкам, которые вождь делал на полях самых разных книг... хорошо разбирался в античности и мифологии.. Его знания грузинской литературы были такими глубокими, что Сталин мог на равных спорить о поэзии с Шалвой Нуцубидзе, известным философом. Нуцубидзе через много лет после того, как Сталин уже перестал быть богом, утверждал, что тот был выдающимся знатоком литературы. Вождь нередко читал вслух друзьям и соратникам отрывки из средневековой грузинской эпической поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре». По своим художественным вкусам Иосиф Виссарионович был консерватором... Будучи интеллектуалом, он уважал людей искусства и ученых. Его тон мгновенно менялся, когда Сталин разговаривал с популярным писателем или известным профессором... Сталин высоко ценил талант и гениальность».¹²

Первый секретарь Центрального комитета Компартии Грузинской ССР в 1952-1953 годах – Акакий Иванович Мгеладзе (1910-1980) вспоминал: «О деятелях культуры Сталин отзывался с почтительным уважением... Он внимательно следил за современной литературой, драматическим и музыкальным искусством... Сталин прекрасно владел грузинским литературным

¹² Монтефиоре С., Сталин. Двор красного монарха, с английского на грузинский переводили: Майя Джиджеишвили, Ана Макашвили, Эка Мачитидзе и Натия Менабде, Тбилиси, 2012, стр. 126-128 (на грузинском языке); Монтефиоре С., Двор Красного монарха: история восхождения Сталина к власти, перевод с английского на русский язык, Москва, 2015.

языком... Бессмертную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» Сталин видимо, читал не раз, потому что многие места цитировал на память. Ценил Сталин поэзию Давида Гурамишвили, а стихотворение «Мерани» Николая Бараташвили, знал с начала до конца наизусть. Важа-Пшавела называл поэтом высокого полёта, любил цитировать и его. Очень любил он Илью Чавчавадзе, видел в нём большого писателя и выдающегося общественного деятеля... Нравилась Сталину и поэзия Акакия Церетели... Грузинские песни, особенно народные – были слабостью Сталина... Из современных грузинских поэтов Сталин выделял Галактиона Табидзе... Георгия Леонидзе он считал безусловно талантливым поэтом... Очень нравился Сталину грузинский ансамбль танцев, которым и в те времена руководили Нина Рамишвили и Илико Сухишвили. – «Ими восхищаются на всей планете», – говорили Сталин, – «Благодаря им весь мир знакомится с древней и высокой культурой Грузии. Надо этот ансамбль всячески поддерживать». Должен отметить, что Сталин проявлял одиноковый интерес к науке, литературе и искусству каждой Союзной республики, знал их наиболее талантливых представителей, внимательно следил за их творчеством. Стоило появиться заметному произведению, как оно тут же прочитывалось Сталиным. Он просил подробно рассказать об авторе, интересовался условиями его жизни и быта, несмотря на нагруженность, выкраивал время, чтобы ободрить его по телефону, а то и встретиться с ним. В результате у Сталина складывалось собственное мнение о писателе (ученем, актере, художнике, композиторе), которое далеко не всегда совпадало с тем, что ему докладывали». ¹³

¹³ Мгеладзе А., Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого, Тбилиси, 2001, стр. 206-214 (на

3) Иранская культура в мировоззрении вождя СССР

12-21 апреля 1941 года в Москве с большим успехом прошла декада таджикского искусства. Отметим, что таджики являются одним из ираноязычных народов, чья национальная культура является частью общей иранской культуры.

После завершения декады, 22 апреля в Кремле состоялся торжественный банкет участников этого события, на котором лидер СССР Иосиф Сталин заявил: «Я хочу сказать несколько слов о таджиках. Таджики – это особый народ. Это не узбеки, не казахи, не киргизы, это – таджики, самый древний народ Средней Азии. Таджик – это значит носитель короны, так их называли иранцы, а таджики оправдали это название.

Из всех нерусских мусульманских народов на территории СССР таджики являются единственной не тюркской, – иранской народностью. Таджики – это народ, чья интеллигенция породила великого поэта Фирдоуси, и недаром они, таджики, ведут от него свои культурные традиции. Вы должно быть чувствовали в период декады, что у них, у таджиков, художественное чутье тоньше, их древняя культура и особый художественный вкус проявляются и в музыке, и в песне, и в танце.

Иногда у нас русские товарищи всех смешивают: таджика с узбеком, узбека с туркменом, армянина с грузином. Это, конечно, неправильно. Таджики – это особый народ, с древней большой культурой, и в наших советских условиях им принадлежит большая будущность. И помочь им в этом должен весь Советский Союз. Я хотел бы, чтобы их искусство было окружено всеобщим вниманием.

Я поднимаю тост за то, чтобы процветало таджикское искусство, таджикский народ, за то, чтобы мы, москвичи, были всегда готовы помочь им во всем, что необходимо». ¹⁴

Это слово вождя СССР имело огромный резонанс. Он стал вдохновляющим для каждого таджика, в том числе и для историка и государственного деятеля Бободжана Гафурова (1908-1977), чья книга «История таджикского народа» ¹⁵ заслужила одобрение Сталина и всеобщее признание. ¹⁶

Добавим здесь же, что Б. Гафуров был первым секретарем ЦК Компартии Таджикской ССР (1946-1956), доктором исторических наук, академиком и более двух десятилетий руководил Институтом востоковедения Академии наук СССР (1956-1977).

Российский исследователь Владимир Невежин пишет: «Таджикский историк Р. Масов подробно проанализировал содержание докладной записки Б. Г. Гафурова и Н. Прохорова «О работе по созданию истории таджиков и Таджикистана», направленной в ЦК ВКП (б) в 1944 г. В упомянутой докладной записке

¹⁴ Невежин В., Застолья Иосифа Сталина, книга первая, Большие кремлевские приемы, Москва, 2011, стр. 319-320.

¹⁵ Гафуров Б., История таджикского народа, Москва, 1952.

¹⁶ Масов Р., Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа, Душанбе, 2009, стр. 8-12.

подчеркивалось, со ссылкой на сталинскую речь 22 апреля 1941 года, что «указанные выше высказывания Сталина должны учитываться, конечно, не только при составлении истории таджиков и Таджикистана, но и при составлении истории других народов Средней Азии».

Прозвучавшая в речи Сталина мысль о том, что именно таджики являются наиболее древним народом Средней Азии, единственным на её территории ираноязычным народом, по мнению Масова, находилась в полном соответствии с мнением, высказанным по этому вопросу всеми наиболее компетентными ирановедами. Данное обстоятельство, по словам Масова, не только вдохновило, но и обезопасило Гафурова при создании «Истории таджикского народа», вышедшей в свет в послевоенные годы...

23 января 1948 года первый секретарь ЦК КП (б) Таджикистана вместе с председателем Совета министров республики Д. Расуловым с 22 час. 35 мин. до 23 час. 20 мин. находились в сталинском кабинете в Кремле. С 22 час. 30 мин. 23 января до 1 час. 15 мин. 24 января там же находился и А. А. Жданов, который, как известно, курировал в ЦК ВКП (б) вопросы идеологии...

Узкий круг интеллигенции Таджикской ССР имел представление о содержании этого выступления, но опубликовано оно не было, поскольку не поступило никаких указаний на сей счет. В связи с приближавшейся 20-летней годовщиной Таджикской ССР Гафуров в своем письме просил Сталина разрешить опубликовать его речь на кремлевском приеме 22 апреля 1941 года. К сожалению, пока

неизвестно, как именно отреагировал и отреагировал ли вообще И. В. Сталин на этот запрос...

Декада таджикского искусства в Москве и сталинская речь на приеме в Кремле интерпретировались предвоенной советской пропагандой как новое подтверждение торжества национальной и культурной политики, которая проводилась под руководством Сталина. Центральные советские газеты того времени брали за основу мысли, которые высказал вождь в этом выступлении. Так, в передовой статье газеты «Правда» близко к тексту пересказывались формулировки из тоста Сталина, провозглашенного на приеме участников декады таджикского искусства в Кремле: о создании В. И. Лениным партии, которая следует «новой идеологии» дружбы и равенства народов, противостоящей «старым, отжившим идеологиям расовой и национальной вражды». В унисон сталинским мыслям в упомянутой публикации говорилось об «очаровательном своеобразии таджикского искусства», базировавшемся на древней высокой культуре, ведущей свое начало от Фирдоуси, Гафиза и Саади. Наконец, в передовой статье «Правды», как и в сталинском выступлении 22 апреля 1941 года, акцентировалось внимание на том, что таджики являются иранской народностью («Правда», 24 апреля 1941 г.).

М. И. Калинин, который вручал в Кремле ордена и медали участникам декады таджикского искусства, прямо ссылаясь на сталинское высказывание, подчеркивая, что культура таджиков

«старая, запас её у народа очень большой, эта культура отличается особой тонкостью» («Правда», 26 апреля 1941 г.).¹⁷

Мы считаем примечательным, что лидер крупнейшего в мире государства, который в равной степени считался вождем всех народов СССР, выразил столь своеобразное отношение к таджикской (той же иранской) культуре. На наш взгляд, это следует объяснить глубочайшим уважением Сталина к древней и богатейшей иранской культуре.

4) Сталин и таджикская пионерка Мамлакат Нахангова

Примечательно и то, что Сталин проявил особое внимание к 11-летней таджикской пионерке, одной из участниц «стахановского движения» Мамлакат Акбердиевны Наханговой (1924-2003), которая в 1935 году установила рекорд по сбору хлопка (102 килограмма шерсти за один день) и за это первая среди пионеров Союза ССР получила высшую награду страны – орден Ленина.

В том же году Мамлакат была приглашена в Москву. 4 декабря Михаил Калинин вручил ей орден Ленина на торжественной церемонии в Кремле. Сталин подарил Мамлакат фотографию, где он и члены Политбюро (Молотов, Андреев и другие) были изображены в

таджикских национальных костюмах (халатах). На фото была надпись: *«Товарищу Мамлакат Наханговой от И. Сталина за хорошую учёбу и работу. 4. XII. 1935 года».*

Кстати, это было единственный раз, когда Сталин сфотографировался в национальном костюме одного из народов, проживающих в СССР, подтвердив свое уважение к иранской культуре.

Фотография таджикской девочки рядом с вождём, была распространена в мировой прессе. В связи с этим в СССР на эту тему были созданы литературные произведения и скульптурные памятники.¹⁸

Все это делалось с целью утвердить образ Сталина как вождя народов, но примечательно, что на эту роль была выбрана именно таджичка, а не девушка какой-либо другой национальности, что, конечно, произошло не случайно.

Мамлакат Нахангова часто приезжала в Грузию и вспоминала, как Сталин заботился о ней... В один из приездов она сказала принимавшему её в Батуми Гураму Кахидзе: «Меня впервые представили Сталину, наверное, как самую маленькую. Когда Сталин приблизился ко мне с улыбкой и положил мне на голову руку, потом взял меня на руку и поцеловал, я подумала, что это сон... Он взял у Калинина маленькую коробочку. Открыв её, вынул орден Ленина и приколот его мне на грудь, потом открыл вторую коробку, вынул оттуда золотые часы, надел их мне на руку и сказал: «Носите эти часы, в память о сегодняшнем дне. Это мой личный подарок». В

¹⁸ https://ru.wikipedia.org/wiki/Нахангова,_Мамлакат_Акбердыевна

старших классах я училась в Москве... Сталин не лишал меня отеческой заботы». ¹⁹

По совету Сталина Мамлакат окончила дипломатическую академию в Москве, после чего Сталин ей сказал: «Полученные знания должны служить вашему народу, вашему краю... Вы дочь таджикского народа и должны служить своему народу. Возвращайтесь Мамлакат в свой Таджикистан!» ²⁰

Вернувшись на родину, Мамлакат Нахангова стала кандидатом филологических наук и заведующей кафедрой английского языка Душанбинского педагогического университета. Она сохранила уважение к своему всемогущему опекуну, которое переросло в уважение к Грузии и грузинской культуре.

В связи с этим М. Нахангова вспоминала: «Всю жизнь мечтала познакомиться с Грузией, приехать сюда и знакомиться её городами, каждым уголком, с грузинским народом, его прошлым, культурой и историческими памятниками... Эта любовь, вероятно, была обусловлена любовью к Сталину: он ведь был грузином». ²¹

5) Сталин и последний шахиншах Ирана

¹⁹ Кахидзе Г., Иосиф Сталин (Воспоминания современников), Батуми, 1995, стр. 264-266 (на грузинском языке).

²⁰ Там же, стр. 271.

²¹ Там же, стр. 272.

То, что у Сталина было особое отношение к иранской культуре и иранцам в целом, подтверждается еще другим историческим фактом.

Как известно, во время Второй мировой войны Реза-шах (1878-1944), который царствовал с 1925 года, отказался от предложения разместить на территории Ирана войска СССР и Великобритании. В ответ на это, в конце августа 1941 года вооруженные силы СССР заняли северную часть Ирана, а южную часть – войска Великобритании. Было объявлено, что на время войны они берут эту страну под свой контроль. 16 сентября Реза-шах был вынужден отречься от престола в пользу своего старшего сына и навсегда покинуть родную страну. 26 сентября того же года шахиншахом Ирана был провозглашён 24-летний Мохаммад Реза Пахлави (1919-1980). В 1942 году он подписал союзный договор с СССР и Великобританией, а 9 сентября следующего года объявил войну Германии.

Во время Второй мировой войны, в частности, 28 ноября 1943 года в Тегеране началась конференция лидеров союзных государств, которая продлилась до 1 декабря. Тогда Иран практически являлся полунезависимым государством. Ввиду этого, новый шахиншах не обладал серьёзным авторитетом на международной арене из-за своего юного возраста и неопределенного положения. И когда лидеры трёх великих союзных держав – Иосиф Сталин, Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Черчилль – прибыли на переговоры в Тегеран, юный и слабый монарх пытался сам добиться приема у каждого из этой великой тройки.

После прибытия в Иран Сталин решил встретиться с шахиншахом, который до него уже встречался с президентом США и премьер-министром Великобритании.

В связи с этим в мемуарах сына президента США – Эллиота Рузвельта о визите молодого монарха говорится: «Он (имеется в виду президент Рузвельт. – Н. Д.) вернулся к себе, чтобы принять молодого иранского шаха Мохаммада Реза Пехлеви, прибывшего с официальным визитом в сопровождении своего премьер-министра, министра иностранных дел, а также министра шахского двора Хосейна Ага. Молодой шах слыл весьма легкомысленным человеком, но здесь он держался серьезно и сосредоточенно. Он привез в подарок очень красивый коврик, за который отец поблагодарил его от имени матери».²²

Одним из руководителей оборонной делегации СССР в Тегеране был генерал-майор Капитон Григорьевич Начкебия (1901-1973), начальник главного управления милиции Грузинской ССР. В разное время он служил: начальником районных отделений милиции, оперуполномоченным ГПУ, заместителем начальника, начальником УРКМ НКВД Грузинской ССР, заместителем наркома внутренних дел Аджарской АССР, председателем ГПУ Абхазской АССР, начальником УРКМ, заместителем наркома внутренних дел Грузинской ССР, начальником управления милиции и заместителем министра госбезопасности Грузинской ССР, заместителем министра сельского хозяйства Грузинской ССР по коневодству, министром внутренних дел Абхазской АССР, являлся основателем и директором

Тбилисского ипподрома и судьей всесоюзной категории по конному спорту.²³

Генерал К. Начкебия вспоминал: «В ноябре из Грузии в Баку вылетела группа, в составе которой я был вместе с генералом Григолом Каранадзе. Мы должны были следовать за правительственной делегацией для защиты. Эта делегация отправилась в Тегеран на конференцию глав трех союзных государств. В состав делегации вошли дипломаты и военные представители...

По прибытии в Иран мы поселились в советском посольстве и начали готовиться к встрече со Сталиным... Мы видели Сталина... За ним шли: Ворошилов, Молотов и другие сопровождающие лица. Мы стояли напряженно. Сталин сам к нам пришел и всем пожал руку. Когда он увидел грузин, по-грузински сказал: «Салами Сакартвелос!» («Привет Грузии!»)...

Сталину доложили, что шах самолично представился Рузвельту и их разговор длился в общей сложности пять минут, а Черчилль заставил его долго ждать в приёмной и завершил аудиенцию за три минуты... Естественно, шах был оскорблён таким приёмом.

Сталин сказал: **«Нам следует посетить шаха, так как гость должен сам представиться хозяину, на чьей земле он находится».**

Мы заранее сообщили шаху об ожидаемом визите, но не сказали точного времени... Люди на улицах с восхищением встречали Сталина, во многих витринах были вывешаны его портреты... Нас сопровождали во дворец. Шах был настолько взволнован, что упал на

---

²³ Петров Н., Кто руководил органами госбезопасности: 1941-1954, Москва, 2010.

колени и назвал Сталина «спасителем». Сталин поднял его, после чего состоялся довольно долгий разговор. Речь шла о размещении баз в Иране и транспортировке грузов к границам СССР». ²⁴

Известный грузинский общественный и государственный деятель, третий секретарь ЦК КПСС Грузинской ССР, писатель – Деви Георгиевич Стуруа (1931-2001) вспоминал: «Сталин решил нанести визит шаху Ирана Мохаммаду Реза Пехлеви, которого американцы незадолго до этого возвели на престол, свергнув его отца. Шах был тогда еще совсем юным и переволновался сверх меры перед приходом Сталина. Когда Сталин в сопровождении Берия и генерала госбезопасности Каранадзе вошел в тронный зал, юному шаху стало дурно, и у него подкосились колени. Сталин помог шаху встать на ноги, потом повернулся к Берия и Каранадзе, сказав в по-грузински: «Как жаль, что Георгий Саакадзе не видит эту картину». ²⁵

Добавим, что Георгий Саакадзе (1570-1626) являлся грузинским военно-политическим деятелем, славным полководцем, борцом за объединение Грузии. Под его командованием 25 марта 1625 года, около села Марткопи (близ Тбилиси), грузины наголову разбили многотысячную армию шахиншаха Аббаса I Сефевиды. После этой победы, в течение двух месяцев он полностью освободил всю Восточную Грузию от персидских войск. Он ещё при жизни преобрёл славу и в истории Грузии удостоился эпитета «Великого Моурави».

В приведенных выше мемуарах упоминается, что визит шахиншаха Ирана к президенту США длился недолго.

²⁴ Начкебия К., Тегеран, ноябрь 1943 года, газета «Генералиссимус», Тбилиси, 2004, №14 (52), стр. 6-7 (на грузинском языке).

²⁵ Стуруа Д., Сталин, Хрущев, Брежнев (воспоминания, портреты), редактор и издатель президент Академии художеств Российской Федерации, академик Зураб Церетели, Тбилиси, 2006, стр. 53 (на русском языке).

Взяв на себя инициативу посетить шахиншаха, Сталин сразу завоевал сердца правящей элиты Ирана и общественности в целом, которая из-за поведения Рузвельта и особенно Черчилля чувствовала себя сильно униженной. Тем самым он доказал, что являлся дальновидным и гибким политиком.

Думаем, не случайно, что на той исторической встрече, кроме народного комиссара иностранных дел СССР Вячеслава Молотова и вышеупомянутого К. Начкебия, Сталина сопровождали еще другие грузины, а именно народный комиссар внутренних дел СССР Лаврентий Берия (1899-1953), начальник личной охраны генерал Шалва Церетели (1894-1955), нарком внутренних дел Грузинской ССР генерал Григол Каранадзе (1902-1970).

Кроме вышеупомянутых, Сталина в Иране сопровождали и другие грузины, а именно генералы: Александр Эгнаташвили (1887-1948), Авксентий Рапава (1899-1955), Константин Бзиава (1905-1972), Григол Кикнадзе (1897-1978), Илларион Гагуа (1900-1951), Александр Гугучия (1905-1981), а также полковник Александр Набичвришвили и личный шеф-повар Сталина Александр Ртвеладзе.²⁶

Упомянутую встречу вспоминают и другие государственные и военные деятели СССР. Командующий Авиацией дальнего действия СССР, главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов (1904-1975), который отвечал за доставку делегации СССР на переговоры в Тегеране, вспоминал: «По прибытии глав трех держав в Тегеран шах Ирана попросил аудиенцию у Черчилля и Рузвельта для приветствия гостей. Прибыв в английское посольство,

²⁶ Джавахишвили Николай, Последняя царская династия Ирана и грузины, Труды Института истории Грузии ТГУ, том IX, Тбилиси, 2015, стр. 293-295 (на грузинском языке).

он довольно долго ждал, пока вышел к нему Черчилль. Ожидание Рузвельта было менее долгим и, наконец, раздался телефонный звонок в наше посольство с вопросом, когда его превосходительство Сталин может принять шаха Ирана. В посольстве попросили подождать, чтобы согласовать время визита. Довольно быстро был получен ответ, который гласил: «Глава советской делегации спрашивает, когда шах Ирана найдет время и сможет его принять?». Звонивший в посольство несколько растерянным голосом сказал, что его не так поняли, что шах Ирана спрашивает, когда он может приехать к Сталину. Однако последовал ответ, что его поняли правильно, и Сталин именно спрашивает о том, когда шах Ирана может его принять. Звонивший сказал, что должен об этом доложить шаху. Через некоторое время последовал звонок и посольству сообщили, что если правильно поняли и И. В. Сталин действительно хочет навестить шаха Ирана, то шах будет его ждать в такое-то время. В точно назначенный час товарищ Сталин был у шаха Ирана, приветствовал его и имел с ним продолжительную беседу, чем подчеркнул, что всякий гость должен отдать дань признания хозяину, посетить его и отблагодарить за оказанное гостеприимство. Вопросы внимания вообще, а на Востоке в особенности, имеют определенный смысл и значение. Шах был тогда весьма молод, увлекался авиацией и получил в подарок от нас легкий самолет. Личное посещение его Сталиным еще больше укрепило те дружеские отношения, которые впоследствии многие годы существовали между нашими государствами. Поистине, казалось бы, незначительный случай, а по сути дела – политика, и немалая». ²⁷

Один из свидетелей этой исторической встречи, известный разведчик, сотрудник Первого главного управления (ПГУ) КГБ СССР (внешняя разведка) Геворк Андреевич Вартамян (1924-2012), который позже стал Героем СССР и полковником, вспоминал: «Я видел Сталина с расстояния пяти метров, когда он поехал с Ворошиловым и Молотовым в шахский дворец поблагодарить шаха Ирана Мухаммеда Реза Пехлеви за гостеприимство. Это был очень умный и важный шаг, который имел тогда большой резонанс в иранском обществе. Ни Рузвельт, ни Черчилль этого не догадались сделать. Шах, конечно, был тронут таким жестом внимания со стороны Сталина. Когда Сталин вошел в тронный зал, шах вскочил, подбежал и упал на колени, чтобы попытаться поцеловать его руку. Но Сталин наклонился и поднял шаха».²⁸

Историческая встреча Сталина и шахиншаха Ирана также запечатлена на фотографии.

б) Грузинские актеры, участвующие в кинотрилогии «Шахнаме»

В 1971-1976 годах киностудия «Гаджикфильм» сняла художественный фильм (килотрилогию), историческую драму (режиссёр – Бенцион Ариевич Кимягаров), по эпической поэме «Шахнаме». Первая часть этой исторической кинотрилогии – «Сказание о

---

²⁸ Тегеран-43: как Сталин ввёл шаха Ирана в большую политику – Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

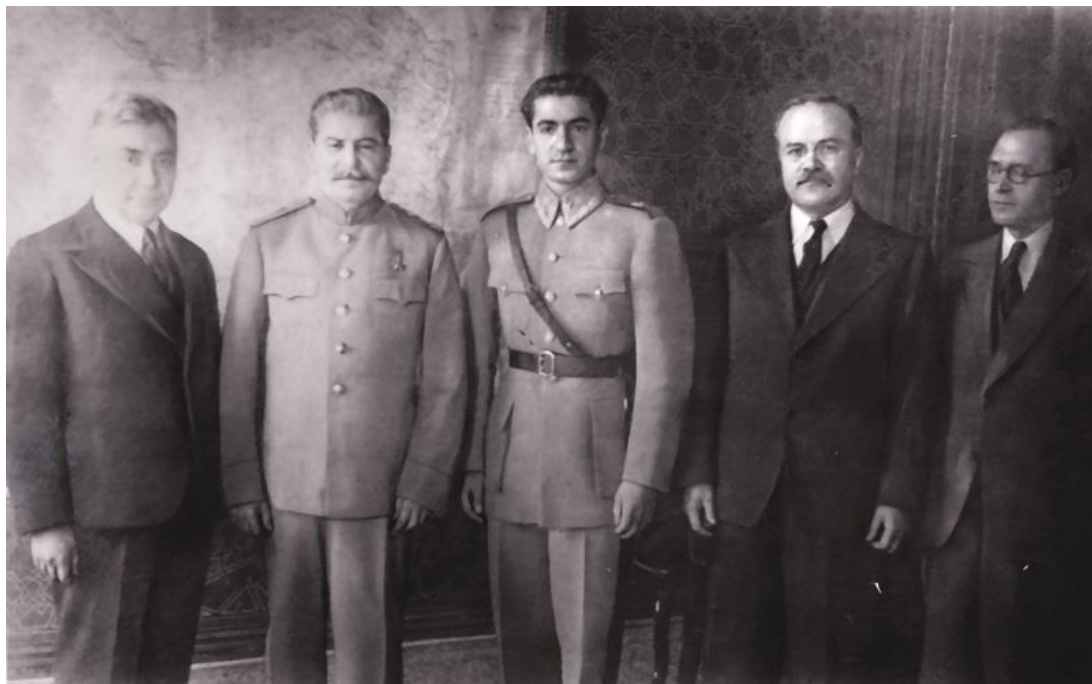
Рустаме», вторая часть – «Рустам и Сухраб», а третья часть – «Сказание о Сиявуше».

Для участия в этом фильме специально были приглашены известные грузинские актеры, народные или заслуженные артисты Грузинской ССР.

Первая серия этой трилогии начинается с показа царского трона и венценосца «Кавуса», роль которого исполнил народный артист **Отар Коберидзе** (1924-2015). Ту же роль он исполнил и в других сериях этой кинотрилогии.

В первой серии этой кинотрилогии снялись: народный артист **Гиви Тохадзе** (1922-2010), который исполнил роль «Туси», **Гиви Джаджанидзе** (1932-2000), который исполнил роль «Гударза», заслуженный артист **Георгий (Гия) Кобахидзе** (1941-2008), который исполнил роль «Гургина», а **Картлос Марадишвили** (1942 г. р.) снялся в серии «Сказание о Сиявуше», где исполнил роль «Гива». ²⁹

Таким образом, в этой прекрасной кинотрилогии блестяще исполнили свои роли пять известных грузинских актёров.

Встреча Сталина и шахиншаха (1943)

Дом в Тбилиси, где 1900-1901 годах действовало нелегальная типография

Руководители СССР в таджикских халатах (1935)

Сталин и Ворошилов (1935)

Сталин и Мамлакат Нахангова

Тегеранская конференция 1943 года

К. Начкебия

Гиви Тохадзе в роли Туси

Отар Коберидзе в роли Кавуса

Указанные источники и литература

на грузинском языке:

- 1) Асатиани Леван, Сталин и вопросы грузинской литературы (очерки), Тбилиси, 1954.
- 2) Беридзе Теймураз, Надзаладеви, "Грузинская советская энциклопедия", т. VII, Тбилиси, 1984.
- 3) Гегешидзе Зураб, Нелегальные большевистские типографии в Грузии, "Грузинская советская энциклопедия", т. I, Тбилиси, 1975.
- 4) Гвахария Александр, Фирдоуси Хаким Абулькасим Туси, «Грузинская советская энциклопедия», т. XI, Тбилиси, 1986.
- 5) Джавахишвили Николай, Последняя царская династия Ирана и грузины, Труды Института истории Грузии ТГУ, том IX, Тбилиси, 2015.
- 6) Джавахишвили Николай, первая нелегальная типография действовал в Надзаладеви, историко-познавательный журнал «Историани», Тбилиси, 2016, № 65.
- 7) Джавахишвили Николай, «Шахнаме» мировоззрении грузин. Древнеперсидский эпос и Грузия, историко-познавательный журнал «Историани», Тбилиси, 2020, № 112.
- 8) Кахидзе Гурам, Иосиф Сталин (Воспоминания современников), Батуми, 1995.
- 9) Монтефиоре Саймон-Себаг, Сталин. Двор Красного монарха, перевод с английского на грузинский язык: Майя Джиджеишви-

- ли, Ана Макашвили, Эка Мачитидзе и Натия Менабде, Тбилиси, 2012.
- 10) Начкебия Капитон, Тегеран, ноябрь 1943 года, газета «Генералиссимус», Тбилиси, 2004, №14 (52).
  - 11) Жоржолиани Лили, Наблюдения над собственными именами грузинских версии «Шахнаме», Тбилиси, 2011.
  - 12) Жоржолиани Лили, «Шахнаме» Фирдоуса в Грузии, Тбилиси., 2016.
  - 13) Силагадзе Автандил, Тотадзе Анзор, Фамилия и имена в Грузии, Тбилиси, 1997.

на русском языке:

- 14) Гафуров Б., История таджикского народа, Москва, 1952.
- 15) Голованов А., Дальняя бомбардировочная., Москва, 2004.
- 16) Масов Р., Бободжан Гафуров против фальсификаторов истории таджикского народа, Душанбе, 2009.
- 17) Мгеладзе А., Сталин. Каким я его знал. Страницы недавнего прошлого, Тбилиси, 2001
- 18) Монтефиоре С., Двор Красного монарха: история восхождения Сталина к власти, перевод с английского на русский язык, Москва, 2015.
- 19) Невежин В., Застолья Иосифа Сталина, книга первая, Большие кремлевские приемы, Москва, 2011.
- 20) Петров Н., Кто руководил органами госбезопасности: 1941-1954, Москва, 2010.

- 21) Рузвельт Э., Его глазами. Перевод с английского А. Гуревича и Д. Куниной, под редакцией И. Овадиса, вступительная статья С. Бушуева, Москва, 1947.
- 22) Стура Д., Сталин, Хрущев, Брежнев (воспоминания, портреты), редактор и издатель президент Академии художеств Российской Федерации, академик Зураб Церетели, Тбилиси, 2006.
- 23) <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нахангова>,
Мамлакат_Акбердыевна
- 24) Тегеран-43: как Сталин ввёл шаха Ирана в большую политику – Фонд стратегической культуры (fondsk.ru)

Maia Kapanadze.

*Doctor
of History Science*

*Caucasus International University
Assoc. Professor*

*Head of the Scientific Analytical Centre for Georgia-
Iranian Relations*

Iran during Hulaguian rule and its aftermath

Abstract. The reign of the Mongols, particularly the Hulaguians, was one of the most difficult periods in Iranian history. This period is associated with the death of many people, the destruction of prosperous cities and villages, and more. It should also be noted that the prosperity of the Hulaguian residences and two or three cities did not change the overall picture of the country's destruction. From the middle of the 13th century, the Mongols began to invade the conquered territories of the Middle East and the Far East again. Hulagu was sent to Iran for this purpose, intending to overthrow the Ismaili state and conquer the eastern countries. He took the previously invincible fortress of the Ismailis, Alamut, and eventually denied its existence.

Hulagu created a Mongolian Ulus for him and his successor in Iran. For a long time, Kublai Khan recognized Hulagu's power in Iran and gave him the title of "Il-Khan". The Hulagu state covered a huge area. His vassals were Georgia and the state of the Shirvan-Shahs. The state system of the Hulaguians is interesting, I will devote some space to it in the paper. The Hulaguians had no management experience, so they promoted Iranian bureaucrats and put them in "their" service. Among them was the Juveian family.

There were frequent popular liberation movements against the Ilkhans in Iran. These movements and the confrontation between the great feudal lords for supremacy led to the collapse of the Ilkhanate (mid-fourteenth century). The Mongols gradually conquered Iran, partly among the Turks living there, partly among the Iranians.

Introduction. At the beginning of the 13th century, nomadic tribes from Central Asia conquered much of the cultural world of the time and extended their dominance from the Pacific to the Black Sea and the Mediterranean. These nomadic tribes are known as the Mongols, or Tatars. The Mongol conquests had world historical significance. They conquered the countries of the South Caucasus, Central Asia, Iran, the eastern part of Asia Minor. Destroyed the Khorezm State in Central Asia, the caliphate of Baghdad in Iraq, and Sultanate of Rumi in Asia Minor.

At the beginning of the 13th century, a civil war between the Mongols ended with the victory of a nomadic group led by Temujin, which in 1204 became the longest in all of Mongolia and received the honorary title of Genghis Khan. Thus the Mongol State formed.

Mongols in Central Asia and Iran. In 1209, Genghis Khan's army marched against Khorezmshah Muhammad, and in February 1210 captured Bukhara, soon followed by Samarkand, to which Khorazmshah attached great importance. The Mongols conquered Khorezmshah. Muhammad's army was almost completely destroyed. Muhammad and his eldest son Jalal ad-Din then fled to Iran. They were pursued by Mongol troops who invaded northern Iran and plundered it. This was the first appearance of the Mongols in Iran. The Mongols then invaded the South Caucasus and raided Shirvan and parts of eastern Georgia. They crossed the North Caucasus into Daruband, entered the plains of southern Russia, and in 1223 destroyed Russian troops on the river Kalka. The retreating Mongols were greatly resisted by the people in Qazvin, Hamadan, and other cities.

Genghis Khan's youngest son Tulu was sent to Khorasan. He occupied the eighth, purely demolished the nishaburi, which was dug up and wheat was sown in its territory. Tusi and Herat were captured and raided. The population put up great resistance to the enemy. Wherever the

Mongols appeared, lush villages and towns were destroyed, many people were slaughtered, or taken captive.

Iranians fight against the Mongols. The Iranians put up great resistance to the Mongols. They had no common head in that period. The unification of the Iranians and their leadership against the Mongols was attempted by the last Khorezmshah Jalal ad-Din (1220-1231). He defeated the Mongols in the Ferwan Valley (near Kabul). This was the first defeat of the Mongols since their invasion of Central Asia and Iran. Shortly after this victory, Herat, Mervi, and other cities revolted and cut off the Mongol garrisons. Shortly after the defeat of Ferwan, the Mongol army under the command of Genghis Khan (in 1221) defeated Jalal ad-Din on the banks of the Indus River, who escaped from captivity. Shortly after this story, the Mongols ended their conquest of Central Asia and Khorasan. The Khorezm Empire no longer existed. Genghis Khan returned to Samarkand with his main military force. Small detachments of Mongols remained in the conquered districts of eastern Iran, turning the thriving oases into pastures. After the return of Genghis Khan, the fugitive Jalal ad-Din, who had taken refuge in India, returned to Iran. His power was recognized in Persia, Kirman, and Persian Iraq. Instead of forging ties with the countries of the South Caucasus and Asia Minor against the Mongols, he took on the role of conqueror himself, and in 1225-1231 he conquered Azerbaijan, taking Khlat. On March 9, 1226, he captured Tbilisi. In 1228, Jalal ad-Din defeated the Mongols at Isfahan, but he was defeated by the Mongols who entered Iran in 1229 and died in 1231. After the death of Genghis Khan, the Mongol conquests continued.

Iran before the formation of the Hulaguian state. The peoples of the Mongol Empire differed in political, socio-economic and cultural development. Therefore, this empire, as a millennial political entity, could not last long. In the 50s of the XIII century it was divided into several states (Ulus), headed by the descendants of Genghis Khan. These states were: the Golden Horde, the Chaghata State, and the Hulagu State created in Iran by the Hulagu Khan. As well as the Yuan Empire.

Before the creation of the Hulaguian state in Iran, Khorasan, Sistan, Mazandaran, Azerbaijan, and Persian Iraq were in the hands of the Mongol invaders.

As for the southern and southeastern part of Iran, there were several different dominions in terms of relations with the Mongols: Kerman owned the Kara-Kid dynasty, which received its title from the Mongol Khan and "Kutlugh-Khan. The farce was owned by the Salgurid dynasty.

The southeast, or Big Lur, was ruled by the Khazaraspid dynasty, while the northwest, or Lur, was ruled by an independent Athabag dynasty. The Mongol invasions did not affect the Ismaili state (1090-1256) and the Caliphate of Baghdad.

Hulagu Khan in Iran. In 1251, the great Cain Munke sent two large armies under his command, Kublai in China and Hulagu in Iran. Hulagu had to seize the power of the Ismaili state and submit to the Caliph of Baghdad.

In 1256, Hulagu's army laid siege to a number of Ismaili fortresses. At this time, civil war was raging in the ruling areas of the Ismailis, which changed the balance of power in favor of the Mongols. The unspoken enemy of the Mongols, the " the old man of mountain ", was killed in a conspiracy led by his son. This pro-Mongol group also included the famous astronomer Nasser ad-Din Tusi. I will not discuss these stories in more detail here. I note the important circumstance that at the end of the same year 1256 the army of Hulagu took and destroyed the impregnable fortress of the Ismailis Alamut. The same happened to the rest of their prisons.

The following year Hulagu went to the caliphate of Baghdad. I note that at that time the Caliphate of Baghdad was a relatively small dominion, but the religious authority of the Caliph as the religious (spiritual) leader of the Sunnis was still intact. Hulagu took it as a result of a brief attack. The Mongols ravaged Baghdad for 20 days. The population, regardless of gender and age, was exterminated.

Christians and Jews, whom Hulagu Khan considered his supporters, were pardoned. The precious library of Baghdad was destroyed. As well as monuments of art and culture. On February 10, 1258, Caliph Mustasim

surrendered to Hulagu, who by his order handed over the key to the hiding place of the secret treasure of the Hulagu Abbasids.

Hulagu Khan seized the jewelry accumulated by the Abbasids for several centuries.

By order of Hulagu, the caliph was executed (he was slaughtered by a horse). All the men of the Abbasid lineage were also executed. Thus, the Abbasid caliphate, which had existed for more than five centuries, was destroyed by the Mongols.

Hulagu soon captured Aleppo, Damascus, and other cities (1260), but he had to halt his expedition due to the death of Munke Kaen. Hulagu returned to Azerbaijan. They took advantage of this and restored the Abbasid caliphate in Cairo, to which only the clerical authority was left.

The destruction of the Caliphate of Baghdad and the execution of the Caliph angered the Muslim world. The Muslimized Golden Horde Khan Berke (1256-1265) sent troops against Hulagu under the pretext of defending Islam. The real reason for Berke's sending troops was to move the Golden Horde south of the border. In 1262, Hulagu and Berke's troops first met.

Hulaguian State. Hulagu Khan created the Mongol Ulus in Iran. The "Great Khan" Kublai Khan recognized his power over both the newly conquered and the old dominions in Iran by the Mongols and gave him the title of "Il-Khan".

The year 1258 is considered to be the beginning of the existence of the Hulagu state. This state occupied a large area. The vassals of Hulagu Khan were Georgia and the state of Shirvan Shahs. He was paid tribute by the Trabzon Empire. The Hulaguian vassal was the Seljuk sultanate of Rumi. As well as the Armenian Kingdom of Cilicia (1080-1375), which later became a stronghold of the Hulaguians in their struggle against the Egyptian sultanate. Only the Gillan district retained its independence for a good long time.

The enemies of the Hulaguians were the Golden Horde, the Chagatai state, the Mamluk states of Syria and Egypt. The war against Egypt led to long-standing relations between the Hulaguians and the Christian states of Europe: France and Genoa. During the First Ilkhanate, ambassadors were exchanged between the Ilkhans, France, England, and the Pope, with the aim of forging a common alliance against the Mamluks to "liberate the tomb of Christ.

"The organization of the Hulagu state. The highest power in the Hulagu state belonged to Ilkhan. The Mongol princes, nobles and amirs were considered vassals of Ilkhan.

The army had survived tribal divisions. They were obliged to declare war on Khan's call. The Ilkhanate aristocracy led a nomadic life. Ilkhan did not live in one permanent place. He spent part of the year in Baghdad and Tabriz, and spent the rest of the year nomadic.

Old local dynasties: Luristan, Fars, Kerman, Yazd, Herat, and others who obeyed Hulagu when he entered Iran, remained his vassals. They could rule the country under the control of Ilkhan's representative (Mongol..Baskaki. Persian. Shikhna).

A vast area inhabited by people with differences in their language, religion, and culture proved difficult for the Mongols to manage because they had no experience of governing the country.

The Mongols were finding the necessary personnel among the Iranian officials. That civil bureaucrat who had previously served with the Seljuks and Khorezm, agreed to cooperate with the Ilkhans.

One such old Iranian family that Hulagu Khan promoted to public service was the Juveyan family.

The Iranian civil bureaucracy at the head of the governing apparatus aspired to create a strong centralized state. The Iranian civil bureaucracy sought to strengthen Khan's power, convert him to Islam, streamline the tax system, and weaken the influence of the nomadic aristocracy. Here I briefly mention that Hulagu was a shaman, but showed great tolerance towards other religions.

He especially protected Christians because Hulagu Khan tried to use Christian Georgian and Armenian feudal lords in the fight against Egypt the defender of Islam.

In 1259, with the support of Hulagu, the great Iranian mathematician and astronomer Nasir ad-Din Tusi built an observatory with which he also had a large library.

Not only Iranian and Arab, but also Chinese and Indian astronomers worked at this astronomical observatory. Hulagu for practical purposes encouraged learned mathematicians, physicians, etc., appointed the salary and had it on his court.

State of the Hulaguians 1265-1295. Abaga Khan (1265-1282) continued the foreign policy of his father, Hulagu. He defeated the Chagatai army in 1265, which invaded Khorasan. In 1273 an army was sent to Bukhara and terribly besieged it.

Hulaguan enmity continued with the Mamluk sultans of Egypt. The Egyptians defeated the Hulaguan army in 1266-1277. The Egyptians also raided the Armenian state of Cilicia, a vassal of the Hulaguians.

I have already mentioned that "relations" have been established with the popes and the states of Western Europe since the time of Hulagu. The emergence of a political unit hostile to Egypt was desirable for the King of France and the Pope.

They were therefore interested in the Ilkhans taking part in the conquest of Syria and Palestine, which was directed against Egypt. To this end, ambassadors were sent to Abaga Khan by Pope Clement IV and King Edward I of England, resulting in the appearance of Catholic nuns in the cities of Iran.

After Abaga's death, his brother Tegudari (1282-1284) ascended the throne. He was the first among the Ilkhans to convert to Islam and was given the Muslim name Ahmed. He took a course on the Islamization of the state and friendly relations with the Mamluks. Tegudar appealed to the

people of the former center of the caliphate — the people of Baghdad — that he had converted to Islam and become the patron saint of Muslims. Togudar-Ahmed Khan twice sent an ambassador to Egypt with a proposal for friendship and trade agreement. His policy of Islamization caused discontent among the Mongol nomadic feudal lords, who supported the old Mongolian traditions and were hostile to Islam. The quarrel started between Togudar and his rival Arghun. He was defeated in this battle and sentenced to death.

During the reign of Arghun Khan (1284-1291) the struggle for power between Mongol nomadic feudal lords intensified. During the rule of Arghun, the influence of the Iranian Muslim bureaucracy in the state apparatus was weakened. They were replaced by Jews and Christians. In 1289, Arghun Khan appointed Saad Ad-Dawla, a Jewish merchant, as vizier. He appointed his loyal Jews to positions in agreement with Arghun. Saad Ad-Dole tried to strengthen the state financially. To combat the lawlessness of officials and to regulate the collection of taxes in all the constituencies of the state he sent his devotees as a result of these measures already a year later filled the almost empty treasury.

These measures of Saad ad-Dawla caused dissatisfaction of the Mongolian aristocracy. The Iranian civil bureaucracy was also dissatisfied. The Iranian bureaucrats, who had lost their old privileges, were engaged in anti-doller agitation. A conspiracy was hatched against Saadi, which resulted in his execution and the removal of all the officials he had appointed.

During the reign of Arghun, the Ilkhanate continued its relations with Western Europe. In 1287-1289, ambassadors were sent to Rome, Genoa, France, and England, headed by the Nestorian nun Rab-ban Sauma, who was of Chinese Uighur origin. The Pope sent letters to Arghun urging him to convert to Christianity and join the campaign against the Egyptian Mamluks. The joint action against the Mamluks of Egypt did not bring any result.

In 1291 Arghun was paralyzed. During his illness a struggle for power began between various factions. An uprising broke out against

Mongol rule in Luristan. The rebels occupied Isfahan and killed the Ilkhan officials, but this revolt was soon put down. In 1291, Ilkhan became Keighatu (1291-1295). He tried to establish peace between separate religious groups.

His vizier Sadr ad-Din introduced new taxes, which angered the people. Paper money-chao was issued. The vizier thought that domestic trade would shift to paper money and gold would be accumulated in the treasury. Shortly after the release of this money (1294) all markets were closed. The caravan trade was disrupted, taxes from the cities were stopped, so Chao was abolished. Sadr Addin was called Sadri-chao (Paper Sadr) by the people.

Kazan Khan and his reforms. Kazan became the Khan of the Hulaguians in 1295. He considered it necessary to convert to Islam in order to get closer to the Iranian Muslim bureaucracy and clergy. He also carried out a number of reforms. I must admit, that Kazan Khan was formerly a Buddhist, then converted to Islam and was renamed Mahmud. Islam became the state religion of the Hulaguians. Cain ordered the demolition of churches and synagogues in Tabriz, Hamadan, Maragha, and other cities. Kazan Khan soon complied with the request of the Georgian and Armenian feudal lords, whom he desperately needed in the fight against the Egyptian Mamluks, and stopped persecuting Christians and Jews, and began to pursue a tolerant policy towards them. Kazan also abolished the Jizya tax on non-Muslims.

After the conversion to Islam, Kazan was supported by local Muslim feudal lords and Islamist-accepted factions of the Mongol feudal aristocracy. He was also supported by the Muslim Turkish-Mongolian military aristocracy. Kazan Khan was well acquainted with and appreciated Iranian culture. He was interested in medicine and the natural sciences. He was collecting medicinal herbs. He identified the existence of many medicinal herbs in Iran. It was difficult for Kazan to fight the separatism of the officials of a separate party. They often rebelled to get rid of the central government. Foreign battles were compounded by foreign battles, in 1295 the Chagatai invaded Khorasan and Mazandaran, they were soon expelled from there, but they greatly damaged these districts.

The domestic reforms carried out by Kazan were led by Rashid ad-Din Fazlullah Hamadan - a doctor, encyclopedist, theologian and experienced financier. He was Ilkhan's closest adviser. He was officially the first vizier and guardian of the state seal. In addition to the statesman, Rashid ad-Din was a great medieval Persian historian.

Kazan Kaen's reforms were based on the political ideas of the Vizier-Historian. These were: the rapprochement of the Ilkhans and the Mongol aristocracy with the Arab feudal aristocracy, the strengthening of the central government, the arbitrariness of the Mongol-Turkish military-nomadic aristocracy, the improvement of the population, the improvement of the financial apparatus, agriculture, agriculture and handicrafts. During Kazan, the leading political role passed from the Mongol-Turkish military-nomadic aristocracy into the hands of the Iranian civil bureaucracy and the clerical aristocracy. Rashid Ad-Din plays a big role in this.

Kazan Khan expanded and beautified the capital Tabriz. On the outskirts of Tabriz he built a mausoleum of his own life. This mausoleum was decorated richly by highly skilled Iranian craftsmen. It caused universal admiration. Two madrassas were built near the mausoleum, a hospital, an observatory, a library, an archive, baths, and a reservoir. A special waqf was set up to store this institution.

Rashid ad-Din owned the entire quarter (quarter of the city). The territory he owned in Tabriz is called "Rub-e Rashid". Here was Ulema Street, home to theologians, muezzins, and Qur'anic readers. There was an excellent hospital in Tabriz - the doctors were brought from India, Egypt, Syria. Sixty thousand books on exact sciences, history, theology, etc. were placed in the library of Rashid ad-Din. Among them were manuscripts of the Qur'an copied by the famous calligraphers of the era.

Kazan Kaen formed a guard-type army composed of captives and slaves to strengthen the military potential of the state. He also paid great attention to building mosques and baths in the villages.

Kazan Kaen's reforms significantly replenished the state treasury. The state apparatus was strengthened and the arbitrariness of the officials was limited. The reformer Kazan Khan died in 1304. Cain became his

brother Ulujaitu, whose Muslim name was Sultan Muhammad Khodabandeh (1304-1316).

Ilkhanate after Kazan Khan. The new Ilkhan allied himself with King Philip IV The fair of France in the fight against the Sultan of Ancient Egypt. He also sent letters to King Edward II of England and Pope Clement V of Rome. They just made a promise to him. Practically nothing was done, so Ulujaitu Khan stopped going to war; In 1307, the Ilkhanate state annexed Gillan, which had maintained its independence for a long time.

Ulujaitu continued his Kazan course in domestic politics. He resumed construction of the city of Sultanoe. The prosperity of this city was due to its proximity to caravan routes and weapons. This city soon became the summer capital of Ilkhan. Ulujaitu's mother was a Christian. Khan was baptized a Christian as a child. She later converted to Sunni Islam. Eventually he became a Shiite.

Kahn tried to declare Shiism as the state religion, but his attempt failed, and the Iranian clerical and official aristocracy opposed this attempt. During the Ulujaytu period, the taking of jizya from non-Muslims resumed.

The beginning of the disintegration of the Hulagu state. After Ulujait, Abu-Saeed Abdur-Khan, who was then 12 years old, ascended the throne. Amira Choban became the head of the state due to her youth. From this time onwards the Mongol nomadic aristocracy gradually took over, taking over all the most important spheres of state governance. The results of the reforms carried out by Kazan soon disappeared. Amira Choban gained enormous power The dissatisfied Mongol feudal lords conspired against him, but he was defeated.

In 1320, the Egyptians overthrew the Ilkhanid vassal of Cilicia, Armenia. In 1323, a friendly peace treaty was signed between the Ilkhanate and Egypt. The unrest in the Ilkhanate state continued. Feudal uprisings, accompanied by arbitrariness of civil servants, natural disasters, and famine, further weakened the Ilkhanate state. In the thirteenth and early fourteenth centuries, popular liberation movements increased. I can no longer focus on the discussion of these uprisings due to the format of the article.

The struggle between the great feudal lords in the 30s of the fourteenth century and the public liberation movements led to the disintegration of Ilkhanate Iran.

The disintegration of the Ilkhanate Empire. Kazan Khan's reforms did indeed ensure the revival of the country, but it only temporarily halted the disintegration of the Ilkhanate state. This state united different countries and peoples that did not have strong economic, ethnic, cultural ties. This state was united only by the power of the sword. Feudal fragmentation increased in the Ilkhanate state. Already during the time of Ilkhan Abu-Said Bahadur Khan there were civil battles between the military-nomadic aristocracy and the formation of strong local feudal groups. After the death of this khan (1335) there was no longer a ruler whose authority was recognized by the whole state. The power of the descendants of Genghis Khan, who was ascended to the throne by large feudal groups, was nominally recognized. These puppet Ilkhans served only as simple weapons of the military feudal aristocracy. In fact, in the 40s of the 14th century, the Ilkhanate state had already disintegrated.

Bibliography

1. Berdzenishvili N. The era of Tatar domination. 'Issues of Georgian History'. V III. Tbilisi 1957.
2. Gabashvili V. The Mingols. 'Essays on the History of the Near. Tbilisi, 1957.
3. Katsitadze D. History of Iran. Tbilisi, 2009..
4. Tsintsadze I. Mongols and Mongol Conquests. Tbilisi, 1960.
5. Tchipashvili G. The state apparatus of Iran. Tbilisi, 1989.

6. Апи-эаде А. Социально-экономическая политическая история Азербайджана XIII- XIV ВВ. Баку, 1956.
7. Бабаян Л. Социально- экономическая политическая история Армении XIII-XIV ВВ. Москва, 195
8. бартольд В. Образование империи Чингиз хана. Сочинения 1. Москва 1963.
9. Беленицкий А. Белтович И, Большаков О. Средневековый город Средней Азии. Л. 1975.
10. Пигулевская Н, Якубовский А, Петрушевский И, Строева Л, Беленицкий А. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л. 1958.
11. История Ирана, ред. Проф. М Иванову. москва, 1977.
12. Петрушевский И. Ислам в Иране в VII-XV веках. Л. 1966.
13. натрошвили Т. От Машрика до магриба. Москва, 19078.

Поэзия Ирана, избранные переводы

ОМАР ХАЙЯМ (1040–1123)

* * *

Будь весел, ведь страданиям нет конца,
Ведь звездам, их свиданиям нет конца,
И вылепят кирпич из этой плоти
И вмажут в стену дома иль дворца.

* * *

Рука — на кубке, а в другой — Коран!
То — добродетель, то — грехов дурман.
Нет среди нас под сводом бирюзовым
Кафиров полных, твердых мусульман.

САНАИ (1081-1141?)

* * *

Пью вино и любовью к той пери объят что ни ночь!
Ведь уходит она без меня в харабат что ни ночь.

Дни проводит мой идол, бездумные праздные дни!

Оттого мои горькие слезы кипят что ни ночь.

Я — вон тот схимник самовлюбленный, заносчивый мот!

Подражать мне сам дьявол в неистовстве рад что ни ночь.

В харабате я гол с головы и до пят — погляди:

Туфли здесь и тюрбан оставляю в заклад что ни ночь.

Говорит моя пери: «Зачем так рыдать от любви!»

А из глаз моих катится жемчуга град что ни ночь.

Но сегодня две сотни зуннаров — на мне... Верно, их

В Руме ткут для меня все монахи подряд что ни ночь.

* * *

Идет владыка, чей закон признал Мазандеран,

Или Мессия сам пришел к нам из небесных стран.

Иль в окружении вельмож могучий Искандар

Идет все дальше на восток, оставив Кейруван.

Все нипочем — суровый путь, сухой песок Аму,

И под ногами — словно шелк — береговой бархан.

Ведь по колено скакуну — клопочущий Джейхун,
Коль ты любимую узрел, восторгом обуян.

Чужбины тяготы прошли и трудности пути,
Прелестной девы аромат к нам долетает, прян.

В таком размере говорил когда-то Рудаки:
«Сюда примчался аромат струенья Мулийан».

* * *

Что там за цепи текут вдоль этой нежной щеки
И отчего в эту цепь черные входят витки?

Да, я — безумец, на мне — крепкие цепи любви,
Что ж твои щеки — в цепях? Правду скорей изреки!

Сладко вино с молоком пьется в жасминном цветке,
Что же в вино с молоком брошены амбры комки?

О, чаровница, твой лик... Разве он — кыбла души?!

Что же и ночью и днем в грезах живешь колдовски?

Если согнулся мой стан перед тобою, как лук,

Что ж в меня множеством стрел целят нарциссы-стрелки?

О, Санаи! Если ты был неповинен в любви,

Что ж за неверность корит чуждая мукам тоски?!

* * *

О мусульмане! Мой кумир суров, но я упрям,

Я не играю, я горю, я душу ей отдам.

Любовь — как море, где вода — бушующий огонь,

Но волны — горы в черной мгле встают и тут и там.

Три сотни ящеров морских творят в пучинах суд.

И сто драконов огневых стоят по берегам.

Мои печали — корабли, терпенье — якоря,

И ветер бедствий пробежал по белым парусам.

Как некий благородный муж, что облачен в любовь,

Насильно брошен в глубину я в поученье вам.

Я умер, утонул, и вдруг — о, чудо! — ожил я,
В руках жемчужину держу, двум равную мирам.

НИЗАМИ АРУЗИ САМАРКАНДИ (род. около 1090)

* * *

Много башен высоких построил Махмуд ,
Что, казалось, луну высотой превзойдут.
И ведь камня на них не осталось – смотри!
Но стоят, как стояли стихи Унсури .

АНВАРИ (ум. в 1191)

* * *

Хоть не раз я свидания длил до зари,
Ночи лучше вчерашней не быть, хоть умри!

Иль сильнее, чем прежде, я страстью измучен.
Иль всех прежних прекрасней она? — Посмотри!

О звезде, пред которой склонялись цари.

О, покуда заря не зажгла небосвода,
С небосводом был вровень в ту ночь Анвари!

* * *

Хочу возвыситься до той, что неприступна и горда,
До той лукавой и хмельной, в любви не знающей стыда.

Уверую я в харабат, вино и кабачок почту,
Из душной кельи убегу, где шла молений череда.

Поскольку недостойн стал и коврика и четок я,
Теперь достойным окажусь зуннара... Вот она, беда!

Да, пристрастился я к вину и приохотился к игре
И от любимой никогда не отрекусь я, никогда!

Вкушая радость бытия, обетов много предал я,
От них убежище — вино, скорей неси его сюда!

Коль обособился в своем святом обете, будь святым!

А я, позволь, уединюсь в питейном доме навсегда.

Так сладостны твой лик и стан, а я сейчас мертвецки пьян,

И мне не хочется, пойми, трезветь до Страшного суда!

* * *

Я вчера в дороге встретил ту, что всех стройнее станом,

Что затмила месяц в небе блеском нежным, безобманным.

От лица ее, от этих локонов неумолимых

Вдруг земля порозовела, ветер стал благоуханным.

В миг, когда меня приметил, узнавая издалика,

Мой кумир добросердечный, благосклонный к мусульманам,

Мне с намеком, непонятым для завистников-злодеев,

Молвил: «Мир тебе, о, дервиш, к нам пришедший с караваном!»

* * *

И с чангом и с чашею полная эта луна

К воротам под вечер приблизилась, опьянена.

Окинула мускусом розу, на блестящий день
Набросила ночи завесу, плотней полотна.

И вдруг перестала петь грустную песню свою.
Но с алых рубинов осыпала сахар она.

Расплавилась в чаше и лал и густой сердолик,
Едва ее лик отразился на зыби вина.

* * *

Виночерпий уснул, ну, а ты пробудись, юноша!
Снова в чашу души лей вино, не ленись, юноша!

О, немедля с такими, как ты, сговорись,
Ты к рубину хмельному душой привяжись, юноша!

Все лепечешь, несмел: «Я уже опьянел...»
— Эй, вина! Не упрямясь, вином насладись, юноша!

Сколько можно грустить и воздержанным быть?
Воздержанье забудь, от него воздержись, юноша!

Прочь злонравье, смирись! Вон — духовная высь...
Хоть немного побудь там, где мы собрались, юноша!

Вот — вино! Отвори сей приют Анвари,
От печалей судьбы убеги, удались, юноша!

АТТАР (родился ок. 1119)

ГАЗЕЛЬ

* * *

Я — гебр , что капище воздвиг, страшнее нет еретика!
Я с крыши храмовой воззвал, на мир взирая свысока.

К неверию, к нечестью вас, о, мусульмане, я призвал,
Вновь идолов украсил я, столь чтимых в давние века.

Я — гебр, ведь с матерью родной соединился я в грехе,
Да, с матерью я согрешил, вина такая велика.

Был девственницею рожден и назван Иисусом я,
Вновь материнского испил я сладостного молока.

О, люди, молвите, когда Аттара бедного сожгут,
Что я пожертвовал собой, и это так наверняка!

СААДИ (между 1203–1210 — 9.12.1299)

* * *

Весенней порою в цветущую степь я влюблен,
Где с горсткой друзей сладко мчатся за серной вдогон.

Что шелк расписной — изобилье ширазской земли,
Не сонм ли красавиц здесь кистью на шелк нанесен?

Вся мощь атабеков спокойствие Фарса хранит,
Но в тех луговинах — немолкнущий птичий трезвон.

Фисташкою в сахаре кажутся милой уста...
Смогу ль описать эту прелесть, которой пленен?!

Вот вышла она на прогулку — стройнее сосны,
Духмяней жасмина, изнеженной, чем анемон.

Соблазн самирита во взоре надменном сквозит,

Я вздохом ее, как дыханьем Исы, воскрешен.

Луна ль в новолуние, идол иль ангел она?

Но, с ангелом схожа, с луной и с кумиром племен!

Все в мире сердца унесла, и — твое, Саади!

Как будто Наврузом весь праздничный стол подметен.

* * *

Изменяя старой дружбе, ты печали нашей рада,

Появилась, чтобы вскоре скрыть лицо свое от взгляда.

Полюбить посмел предерзко жалкий нищий падишаха,

Страшно выговорить слово, высока дворца ограда.

Коль настали дни цветенья, не сомкнуть уста бутона,

Говорю, но в бедном сердце — столько губельного яда.

Никогда мне не удастся справедливости добиться,

Что — твое мне покаянье, лучше — гнев твой и досада!

Говорили мне, что стройный стан твой сходен с кипарисом,
Но такого кипариса не видали в кущах сада.

Так люблю тебя, что сердце от свиданья отказалось,
Ибо чувство совершенно — в том, что выгоды не надо.

Ведь Хосров объятий жаждал, звал Ширин, склоняя к ложу,
А сверленье Бисутуна и любовь — удел Фархада .

Хорошо давать советы сокрушенному любовью,
Разве скажешь ты, что поздно, что бессмысленна осада?!

Я родным своим недавно жаловался на сонливость...
Жар бессонницы изведав, все брожу я до упаду.

Саади, свой меч отбросив, чистотой души не хвастай,
Знай, обижен острым жалом: мед любви — твоя услада!

* * *

Должен юноша скитаться, чтобы в бурях он возрос,
Суфий душу не откроет, не упившись кровью лоз.

Строгий старец — на молитве, ринд — в квартале кабаков —
Так задумал их Всевышний, одинаков будет спрос.

Если завтра все созданыя притекут на Божий суд,
Буду ждать я снисхожденья в сонме льющих реки слез.

Соловей, ты зарыдаешь, и с тобой восплачу я,
Ибо ты влюбился в розу, я же — в ту, что краше роз.

Простодушно изумится кипарису над ручьем
Не выдавший кипариса, что украсил кровли скос.

Ты еще того дождешься, чтоб на улице ее
Незаметно в день обычный в жертву я себя принес.

Как душа — в постылом теле, в сердце раненом — любовь.
Брань из этих уст — мне в радость... Кто же так сладкоголос!

Если знать меня не хочешь, я в отчаянье взмолюсь,
Чтоб тебе мое посланье бурных вздохов смерч донес.

Непроглядна ночь влюбленных, и надежда им нужна,
Что прольется луч рассвета, что иссякнет ярость гроз.

Саади, ну, кто же ищет перлы в глубине морской?
В пасть чудовища ты вступишь, коль захочешь их всерьез.

* * *

Мне, как туче весенней поплакать дозволь — погляди:
В день разлуки и камень лить слезы готов — пощади!

Понял тот, кто испил хоть однажды напиток разлуки:
Тяжело расставанье носивших надежду в груди.

О рыданьях моих караванщику вы расскажите,
Чтоб верблюда снабдил паланкином в такие дожди!

Я — в тоске, от меня отступились друзья со слезами,
Словно грешников толпы, завидевших ад впереди.

Где ты, утро любви? Поздно! Дух мой лишился терпенья...
Как постящийся — сумерек, ждал я, твердил: «Приходи!»

Много дней я любил, но открыл свое сердце немногим,
Как я тайну хранил, как был скромн — сама посуди!

Если долгие дни в этом сердце любовь обитала,
Дни и годы нужны, чтобы выжить ее — подожди!

Но довольно, довольно... С тобой объясняться доколе?!
Остальное скажу я лишь страждущим, о, Саади!

* * *

Ничего-то о жизни не знают мудрецы, опьяненные сном.
Что есть жизнь? Среди бесчисленных мает вся она — опьянение
вином!

Ты не думай, что выпито много, снова чашу налей до краев,
Пожелаю тебе я: «Пусть разум не задержится в доме твоём!»

Не страшись опьяняться любовью, черпай страсти густое вино,
Гнев и слезы принес тебе разум, дружишь с ним — позабудь об ином.

Если жаждешь почета, не надо забывать о смиренье, поверь!
Если хочешь высокой награды, не забудь о служенье святом.

Отдохнувши в цветущей долине, вновь далеко ушел караван.
Опасаясь, что он задержался лишь для сна на просторе степном.

И, покуда среди наслаждений не посеешь смиренья зерно,
Ты не думай о будущей жатве, клад разыскивай ночью и днем.

Сделай шаг в непроглядную темень, где струится живая вода...
Дивный жемчуг отыщется в море, клад в развалинах древних найдем.

О, не зря убеждается каждый, в дверь стуча непрестанно кольцом:
Эта дверь распахнется однажды, впустит бедного путника в дом.

Не ленись, отправляйся в дорогу, чтобы цели желанной достичь,
И пойми: чтоб дождаться рассвета, надо выждать во мраке ночном.

Саади, если жаждешь награды и не хочешь ее заслужить,
Знай: уснул караван среди миражей, и воды не добыть нипочем.

* * *

Благословенна и светла пора влюбленных, миг весны,
Когда благоухает сад и песни соловьев слышны.

Когда влюбленные сидят лицом к лицу, глаза в глаза,
И гул завистников умолк среди глубочайшей тишины.

Вот, как фисташка в скорлупе, — два тела под одной каба!

Ты видишь, воротом одним две головы окружены!

О, как наказаны враги! Для них довольно и того,

Что им влюбленные, вдвоем, не разлученные, видны.

Ты долю времени, как все, от жизни получил мирской,

Так обездоленным не будь, мудрец, в объятых быстрины!

Когда постиг, что из тебя не выйдет пастыря вовек,

Ты отпусти овец к волкам, не будет за тобой вины.

Веселых риндов полюбив, им никогда не изменю,

Мне эти пьяницы милей, чем проповедники-лгуны.

И все, кто близок и далек, пусть что угодно говорят,

Я их злословие презрел, и осужденья мне смешны.

Прелестниц сладкие уста умеют скрытно похищать

Всю стойкость, что была вчера надежней каменной стены.

Пришел я на желанный пир, среди благородной черни сел,

Все изреченья мудрых смысл — здесь книгочеи не нужны.

Кто от болезни Саади найдет лекарство на земле?

Ведь знаменитые врачи от этих поисков больны!

* * *

О, сребротелый виночерпий, довольно спать! В тебе — нужда!

Вставай, пролей веселья влагу на пламень скорби! Эй, сюда!

Сюда! Края тяжелой чаши ты крепко, крепко поцелуй,

Потом пусти ее по кругу... О, в этой чаше — не вода!

Ведь амброй веют драгоценной и сыплют перлы без конца

Пьянящий ветер Ноуруза, плакучих облаков гряда.

Старались мы, чтоб ненароком души своей не осквернил

Тот, кто постится в харабате, ведь борода его седа.

Но, видишь: дерзостную руку он поднимает на любовь!

Где поселяется насилье, премудрость не совет гнезда.

Кричу: «О, разум всемогущий! Зачем, испуганный, бежишь

Прочь от любви? Скажи, откуда такая робость и вражда?»

Он отвечал: «Не стоит кошке, войну затеявшей со львом,
На леопарда скалить зубы! Любовь — тягчайшая беда!»

Красавицы до основания дом целомудрия сожгли
И заградили музыканты стезю в святые города.

О, как во рту слова обета горчат из-за подруги той,
Чье красноречие смущает блаженством сладкого стыда.

О, Саади! Летят мгновенья, но никогда не забывай
Колечко локона любимой, к нему привязан будь всегда.

Не мсти обидчикам жестоким, забудь о недругах своих,
Пока из мертвых не восстанут они для Страшного суда.

* * *

С тех пор, как в сердце вошла любовь, избыть я не в силах тугу,
Где сердце без горя? Его не найду, хоть целый мир обегу.

Ни мига в жизни я не провел, с возлюбленной веселясь.

В раненом сердце тайна выросла, взлелеяна кровью слез...

Друга не видно, ужели мою тайну поведать врагу?

С болью смиряюсь — лекарства нет, его не сыскать нигде,

Нет бальзама, и рана болит, страдаю на каждом шагу.

Блаженно и счастливо сердце, вовек не ведавшее любви,

Но я счастливого сердца досель не видел в земном кругу.

Я много плачу, и влага глаз достоинство смыла с лица,

К чему эта влага? Много ее — словно росы на лугу.

О, Саади, умолкни теперь, потеряно дело твое!

Миг настал, я — с любимой, но жаль: узреть этот миг не могу.

Перевод Михаила Синельникова

Наре Тоноян

Армения

Востоковед-культуролог

Исламская Республика Иран или Персия?

В сегодняшней смешанной и сложной реальности, когда интересы государств продолжают сталкиваться в международной политике на протяжении всей истории человечества, когда коридоры

блокируются и вновь открываются, исторически наш столетний сосед продолжает характеризоваться стабильностью своих границ: не сильной армией, экономикой, грамотным международным отношением, религией, но- и культурой. Основные детерминанты раскрываются на широком историческом фоне. Уникальность политической системы Ирана как теократической республики сочетается в себе элементы традиционно-религиозного и республиканского правления: решения не ратифицированы и не имеют юридической силы до тех пор, пока не будут одобрены религиозными учреждениями. Этноконфессиональным вопросам уделяется значительное влияние, ведь Иран – многоэтническое, политеистический, многокультурное государство, где проживают более десятка этнических групп, представители которых – зороастрийцы, христиане и евреи – находятся под защитой конституции. В результате «гибридность» политической культуры иранского общества сочетается с характеристиками разных типов традиционной и современной политической культуры.

Политическая культура является важным элементом социального существования, политического мира и отношений. Это составляющая особенность политического образа жизни общества, народа, нации. Политическая культура любого общества оставляет неизгладимый след в истории, природной среде, национальном менталитете и религиозных верованиях. Мы не должны игнорировать тот факт, что Иран – страна с очень древней и богатой историей. Три тысячи лет назад Персидское государство считалось одним из важнейших центров цивилизации и частично внесло большой вклад в развитие научной мысли и культуры человечества. Не пренебрегая

традиционной культурой, более того, переосмыслив само название страны Иран, они назвали ее от древнего имени Ариана, что означает «земля ариев». Современная политическая культура формировалась под влиянием огромных империй, основанных историческими династиями Ахеменидов, Аршакунов, Кушанов, Сасанидов, в которых идея мощного «Иранского/Арийского царства» широко и агрессивно пропагандировалась вплоть до завоевания Арабы. Я думаю, что внутренние и внешние видимые и невидимые проблемы возникли из-за конверсии: почему страна с богатой и многотысячелетней культурой за короткий исторический период сменила веру своих предков? Сегодня политические, правовые, морально-этические и философские взгляды подавляющего большинства иранцев определяются нормами ислама. Политическая культура любого общества находит свое функциональное воплощение в его политической системе. Уникальность политической системы Ирана состоит в том, что существует принцип «*веляята факих*» — контроль *духовного лидера (рахбара)* и подчиненных ему религиозных структур над светскими институтами государства в соответствии с исламскими принципами. Светское правительство обязано получить шариатскую легитимность от духовного лидера исламских государственных структур: существует дуализм иранских политических институтов. Наряду с республиканскими властями существуют и исламские институты, состоящие из священнослужителей и обладающие гораздо большими полномочиями. Западные политологи и юристы считают это серьезной проблемой и недостатком, но особенностью этого государства является не подчиняться и не поддаваться внешним течениям. Политическая система Ирана тесно связана с условиями и

традициями древнего восточного государства, образом мышления. Западные модели политического устройства и культуры «не работают» везде: их невозможно освоить механически, без учета исторического опыта народов. Политическая культура Ирана имеет значительные этнические проблемы, связанные с национальностями и религиями. Сейчас этноконфессиональная ситуация в стране в целом нормализовалась. Власти отказались от насильственного подавления национальных конфликтов и проводят более либеральную политику, способствуя дальнейшей консолидации народа Ирана и формированию единой национальной политической культуры. В 1979 году После революции традиционная политическая культура Ирана претерпела большие изменения. В обществе возникли такие понятия, как «демократия», «свобода слова», «политическое участие» и другие соответствующие политические институты, которые сформировали политическую культуру. Благодаря европейским усилиям политическая культура иранского общества постепенно меняется. В 1992 году Иран стал второй страной в регионе (после Израиля), подключившейся к Интернету. Впоследствии правительство приложило значительные усилия для развития информационно-коммуникационной инфраструктуры. Разумеется, в стране также приняты определенные ограничения, чтобы защитить граждан от «опасностей всемирной паутины» и предотвратить распространение информации, дискредитирующей исламский теократический режим. Также в стране запрещена западная культура – музыка, танцы, фильмы, пропагандирующие секс, насилие и моральный хаос. Возрождаются национальная музыка, театр и изобразительное искусство. Следует отметить, что молодежь выступает за устранение

всех барьеров на пути международного культурного обмена. Ислам имеет конституционный статус государственной религии в Иране. Западные демократические институты и демократические принципы республиканского управления нам не чужды: это не просто теократический тип политической культуры, а особый тип политической культуры, «гибридный», сочетающий в себе характеристики разных типов традиционной и современной политической культуры. Можно сделать вывод, что в 1979 г. в ходе социально-экономических и политических преобразований после исламской революции в Иране сложилась своя, специфическая исламская модель политической культуры.

Таким образом, чтобы не усугублять статус гетто Исламской Республики Иран и в то же время обогащать ее внутренние ресурсы, задача времени состоит в том, чтобы вернуться к историческому государству Персии, которая имела давние союзы с Западом, Севером, Югом и Востоком, улучшая свою безопасность, экономические и культурные отношения со своими соседями. Надо не увлекаться новыми приманками и соблазнами, не надо верить «новейшим друзьям», ибо именно они представляют опасность, на основе внутренних волнений и недовольства в стране.

 Современная литература

*Никита Николаенко***Вторая половина**

Рассказ

Она уже наступила, вторая половина жизни и идет полным ходом. Не факт, что по продолжительности она будет такой же, как и первая. Положа руку на сердце, следует признать, что, скорее всего она выдастся значительно короче. Впрочем, теоретически это может быть и половина. Живут же люди чуть ли не до ста двадцати лет! Так что, ради красного словца, пусть останется половина. Еще одна. Сколько всего можно успеть сделать за эти годы!

Это касательно времени. Но по насыщенности событиями она вполне может стать равноценной и даже, если очень постараться, превзойти первую половину.

Почему вдруг сейчас, а не раньше или позже я решил, что наступила вторая половина? Да просто почувствовалось это. Сам переход я прозевал, во сне все произошло, наверное. Лег спать еще вчера, а проснулся уже сегодня. Молодость ушла, а стариком называться мне еще рано. Как раз половина! Можно не только оглянуться назад, но и с надеждой еще смотреть вперед. А что там, вдали? Оглянуться назад.... Случались в первой половине и успехи и неудачи. Неудачи. Я признаю их, поскольку они дали опыт, закаляли характер.... Успехи? Да, были и они.

Это касательно прошлого. А, если посмотреть вперед? Что ждет меня во второй половине? Вновь, успехи и неудачи? Наверное. Успехи! Так это просто замечательно! Они должны быть, успехи, слишком долго тянется полоса неудач.

Сейчас же взору открывается много общего между прошлым и будущим. Тогда я был стройный подтянутый и загорелый мужчина, но без денег. Я и сейчас стройный, подтянутый и загорелый, пусть уже и не молодой. И, снова без денег. В молодости я с большим интересом поглядывал на молодых симпатичных девушек. Я и сейчас смотрю на них с не меньшим интересом. Тогда мне приходилось рассчитывать в основном на свои силы. Теперь мне осталось рассчитывать только на себя. Больше не на кого. Разве мало общего?

Да, тогда в прошлом я смотрел вперед, а сейчас я все чаще оглядываюсь назад. Вспоминаю прошедшие годы, анализирую. Жалею ли, что поступил тогда так, а не иначе? Жалей, не жалей – прошлого не вернуть. Несмотря на полное отсутствие денег, я себе нравлюсь. Пока удастся вести тот образ жизни, который меня устраивает. Конечно, хотелось бы большего, ну да старому солдату не привыкать. Как научился я тогда довольствоваться малым, так и продолжаю довольствоваться малым и сегодня.

Это касательно общего. Но и различия ощутимы. Возраст! Себя не обманешь! Сейчас я только ужасаюсь, вспоминая, на какие подвиги был готов в молодости! Пропало желание карабкаться на высокие горы, заплывать далеко в море, махать кулаками на ринге. Все больше хочется покоя. Впрочем, еще доступны спокойные развлечения, соответствующие моему возрасту. Можно еще полетать на

легкомоторном самолете, в качестве пилота, разумеется. Говорят, что в некоторых странах такие самолеты стоят во дворах, как мотоциклы. Да я и сам когда еще видел это. Летали над Балатоном такие самолеты. Можно также поскакать в удовольствие на коне, не галопом конечно, а хотя бы и рысью, походить на охоту, поплавать в тихой бухте в прозрачной воде. Самому поплавать, а то и на маленькой яхте капитаном. Видел я и такие яхты в Англии. Теоретически это все еще возможно. Не здесь, правда. Не становиться же мне вором, чинушей-лапошником или барыгой! Поздно. И в депутаты не зовут что-то....

Не без интереса я знакомлюсь с биографией коллег, проживающих за рубежом, особенно моих сверстников. Тот в Швейцарии, этот в Америке, а та давно в Австралии. Красота! Ухоженные, спокойные и сытые лица глядят с фотографий. Похоже, что возвращаться никто не собирается. Разве что посетить проездом знакомые места. Новые впечатления, другие люди, обычаи и события. Интересно! Там-то да! Уезжать вот, только. Разве что здесь навести порядок, удастся?

В первой половине я допустил много ошибок, есть еще время их исправить. Долги. Долгов-то накопилось сколько! Смогу ли рассчитаться? Возможностей пока маловато. А потому время для меня стало идти быстрее. Впрочем, похоже, что многие люди старшего возраста попадают под это определение.

Та часть жизни пришлась на смену социального строя. Люди моего возраста на своей шкуре испытали прелести перехода. Молились мы одному богу, потом стали молиться другому.

Произошла переоценка ценностей. А душа-то у всех одна как была, так и осталась.

И чем дальше, тем становится менее страшно – я свое пожил на белом свете. Я уже старше своей матери, правда, до возраста отца еще далеко. Достойный пример для подражания. И он и она до последних дней, пока были силы, работали на благо общества, стремились оставить позитивный след на Земле. Оставили.

Да, о душе все чаще задумываюсь я теперь. Раньше эта тема меня мало беспокоила. Зато, теперь.... Что объединяет эти два периода – так это неизвестность. А что будет дальше? Можно предполагать, строить планы, намечать пути, но жизнь все равно повернет все иначе. И все-таки так хочется заглянуть в будущее! Что там? Побреду ли я под конвоем по заснеженной тундре, продолжу ли влачить нищенское существование, как сейчас, или.... А может быть, бодро зашагаю в строю с кобурой на ремне, а то, тяжело опираясь на палочку, стану изредка выползать на свет божий, еле переставляя ноги и проклиная судьбу....

По опыту я усвоил, что все что ни делается, все к лучшему. То, что вторая половина выдастся насыщенной – в этом сомневаться и не приходится. Слишком много накопилось противоречий, и не только у меня. Похоже, что мир ждут большие изменения. А потому – будь, что будет!

Александр Балтин

К 300-ЛЕТИЮ МАХТУМКУЛИ

Изменил туркменский поэтический язык, наполнив его народным звучанием, и, отказавшись от ирано-персидской метрики, продемонстрировал национальные возможности речи.

*Ханского сына из пышных шатров
В хлев на обед приглашать не пристало.
В поле пастух выгоняет коров,
Войско ему снаряжать не пристало.*

*Мудрый совет помогает везде.
Другу достойный поможет в беде.
Что ты ответишь на Страшном суде?
Мудрых о том вопрошать не пристало.
(пер. Ю. Валича)*

Чеканно звучат созвучия Махтумкули: зёрна мудрости прорастают сквозь почву слов, и духовное начало,

определяющее земное бытование, высвечено многими образами.

Разлучённый – Фраги: таков псевдоним, помещаемый порой под стихами; но берёт его в зрелом возрасте; а мальчишкой учится в школе, где преподаёт отец, рано начинает читать по-персидски и по-арабски, приобщается к ремёслам – шорному, кузнечному, ювелирному...

Он – ювелир туркменской речи, играющей ей, но совершенно всерьёз, точно и мудро:

*Вершины гор в тумане млечном,
Они нам не видны зимой.
Не следует о муже встречном
Судить по внешности одной.*

*Тот прочь ушел, другой садится.
Над недостойным люд глумится.
Огонь любовный разгорится -
Таится тот, кричит иной.
(пер. А. Тарковского)*

Плазма людского бытования пестра, и, отражённая в космосе поэзии Махтумкули, она вспыхивает мириадами блуждающих огней.

Он учится в медресе в Бухаре, где близкая дружба соединяет его с туркменом из Сирии по имени Нури-Казым ибн Бахар, носившим титул мавлана: и с этим новым своим другом отправляется в странствие по азиатским странам...

Вернувшись, женится...

Какая боль скручивала его душу, продувала её
экзистенциальным лютым ветром, когда хоронил обожаемых
сыновей своих?

Один прожил двенадцать, другой семь...

*Как плоть возврата бытия,
Изведав смертный сон, желает,
Окровавленная моя
Душа иных времен желает.*

*Меджнун, от родины вдали,
В глухих краях чужой земли,
Своей смеющейся Лейли,
Слезами опьянен, желает.
(пер. А. Тарковского)*

Мистика загорается живыми огнями.

Махтумкули тосковал по девушке, которую любил, но
семья не смогла заплатить калым, и женился на другой.

Его изводила и тоска по старшим братьям...

Жизнь, хоть и оваянная любовью, представляется
тропой потерь...

Много боли в поэзии Махтумкули; много саднящего,
странного чувства – недоумения... что ли?

Почему всё организовано так...

Он похоронен в Иране, рядом с отцом.

Песни его – полные горечи и счастья – продолжают
витать над землёй, поражая умы и души.

Назар Шохин

Ташкент, Узбекистан

Голубиный этюд

*«Так он вышел на улицу и вздохнул
первый раз за все время свободно и
полно.*

*Не испытавшие большой неудачи вовсе не знают,
как можно свободно и полно вздохнуть».*

Юрий Тынянов,

«Смерть Вазир-Мухтара».

С недавних пор из-за болезни Его величества все важнейшие дела в столице стали решаться двумя враждовавшими между собой семьями – визиря-шиита и градоначальника-суннита. Это они затеяли в холодные январские дни настоящую кровавую бойню, бессовестно сопровождая ее оправдательными разглагольствованиями.

Позавчера из богатых кварталов сбежали все, кто смог: первыми – гостившие купцы-иностранцы, позже – богатые местные торговцы с многочисленными женами, челядью и слугами.

Осталась лишь чернь – те, кто не смог покинуть свой дом по причинам бедности, обилия детей, наличия больных и совсем старых.

Сегодня все ворота и двери на большей части улочек были наглухо заперты; дворы почти не подавали признаков жизни:

высунуться наружу мог только безумец; не работали лавки и пекарни: откройся они, их бы наверняка разгромили.

С утра шума со стороны эмирского дворца было поменьше. Их величество, говорят, все еще не прибыли с отдыха в горах: эмир-полукровка, сочувствующий и узбекам, и иранцам, вряд ли довел бы беспорядки до побоища с гибелью ни в чем не повинных людей.

Два предыдущих дня подряд убивали ножами – в основном выпущенные из тюрем убийцы, грабили приговоренные к четвертованию за кражи воры, однорукие заключенные из тех же темниц. Пахло гарью от поджогов и пожаров. На подступах к ханскому замку, как рассказывают, холмиками лежали свежие неубранные трупы, непристойно слившиеся в смертельных объятиях. Воздух на подступах к дворцу уже наполнялся смрадным запахом.

С утра, правда, реже, чем вчера, доносились крики башибузуков: весть о приглашении находящимся в отъезде эмиром и скором прибытии в город войск Белого царя разнеслась мгновенно – и буйствовать, как прежде, было просто рискованно.

Тем не менее в окраинный квартал, который счастливо миновали вчерашние и позавчерашние беспорядки и погромы, неожиданно с криками ворвалась шайка явно обкуренных молодых мужчин в зимних халатах и чалмах с красными глазами, черными маслянистыми зрачками, вооруженных ножами, топорами и дубинками.

Так бы и длилось это безрассудное шествие, если бы чужаков вдруг не встретили впервые в городе прозвучавшими выстрелами засевшие где-то на крышах стрелки в таинственной форме. Это явно были люди визиря. Сначала они рассеяли незваных гостей, а потом прижали их к противоположным сторонам дороги.

Разбежавшиеся отчаянно стучали кулаками в закрытые двери.

С насиженных мест разом взлетели, раздирая воздух гортанным карканьем, вороны.

Щелкнул еще один, очередной, но уже прицельный выстрел – и один из чужаков, явно не местный, скорчился от боли, схватившись за раненную ногу, потом нагнулся, уронив тюрбан; кровь мгновенно пропитала нижнюю часть его чапана.

Юноша рухнул на землю.

Но вот, скрипнув, приоткрылась дверь дома рядом, из него неторопливо вышел старик, судя по шапке и одежде – еврей.

Как здесь, не в своем квартале, оказался иудей, было известно лишь общим пророкам.

Заботливый дед-еврей сразу приковал к себе всеобщее внимание, и залпы стихли.

Старец подошел к раненому, повозился около него под дулами оружия и косыми взглядами бандитов как олицетворение вечности – настоящий, без примеси чужой крови, иудей, здешних предков которого не смогли уничтожить ни резня, ни пытки, ни унижения, ни пожар, ни землетрясения, ни ураганы.

Иудей взял раненого за ворот халата и спокойно подтянул к низкому, просевшему за век-другой в землю деревянному порогу, а затем затащил в дом, невозмутимо закрыв за собой дверь.

Евреев в этом мусульманском городе не принято было унижать, бить, насиловать, точнее, их просто избегали, боясь кары тех самых общих пророков. Старик, похоже, и рассчитывал на благоразумие мусульман. Именно эта уверенность и спокойствие, скорее всего, остудили пыл стрелявших, а также пришельцев-чужаков. Последние, пользуясь затишьем, развернулись и боком побежали назад, хватаясь за стены домов. Улочка опустела.

Впрочем, ненадолго.

Уже ближе к вечеру со стороны крепостной стены послышались чеканные шаги по мощенным булыжником улочкам и команды на русском языке. Звуки становились все ближе, доносился понукающий окрик взводного.

Первыми навстречу выбежали мальчишки, подражая чеканным шагам приближающегося взвода. С любопытством выглянули из приоткрытых дверей старики.

Квартал словно проснулся после долгой спячки.

Строй русских солдат проходил по утоптаным камням, усыпанным благодарными иранцами рисинками. На неожиданное угощение тут же слетелись, не думая даже бояться винтовок, белые комочки – местные голуби.

Шумной стайкой голуби то вспархивали над землей, то вновь садились, бродя взад-вперед, то, выпятив в дугу грудки, ворковали, приседая, будто в танце.

Насытившись, одни голуби, всколыхнув воздух, взлетали, чтобы распространить благовую весть по городу, в то время как другие птицы бесстрашно сновали между колонной русских солдат и простыми зеваками; один голубь даже сел на погон казаку-старшине, покачиваясь в такт его шагу.

Старшина же невозмутимо шагал по оживающим улочкам, время от времени лениво и безразлично позевывая, словно покоря пятидесятую в своей жизни высоту. Его солдаты, похоже, направлялись прямо к дворцу эмира.

Флаг-триколор, установленный свежим древком на одном из самых высоких домов, развевался на ветру. Он обещал то, чего не могла обеспечить растерявшаяся от бессилия власть, залитая кровью сограждан, соскучившихся по порядку.

Еще чуть-чуть – и муэдзины вновь громко, как до резни, призовут горожан к очередной молитве, но иными, чем прежде,

голосами, словно побуждая предать вечному забвению смертную вражду между суннитами и шиитами.

Его величество войдет в город победителем, определит, чья вина в том, что случилось, перепишет несколько ханских истин; солдаты Белого царя подождут команды возвратиться в места постоянной дислокации далеко-далеко от столицы; старик-еврей вновь будет молиться в едва не закрытой синагоге; ну а раненый парень-узбек к осени вернется в родной аул...

Дмитрий Колганов

О МНОГОГРАННОСТИ МЫШЛЕНИЯ

Сложились звезды – вновь струятся строки
Рассветом лучезарным на Востоке

И Бог помог – да будет вечно славен! -
Сказать о том, как разум многогранен

И что ученость книжная порой
Без ловкости житейской – звук пустой.

«Века тому назад в семье богатой
Два жили близнеца, два кровных брата.

Обличьем схожи так, что без сомненья -
Живым друг друга были отраженьем,

От кончиков ногтей до цвета глаз,
Их родственники путали не раз!

Но с мудрою улыбкой дал Всевышний
Им разные сердца и ум различный.

Хоть времени незримые объятья
Скрывают имена обоих братьев,

Мирсабом* пусть зовется брат один,
Другому же я имя дам Рамин**.

Обоим медальоны именные
Отец надел на цепи золотые,

Хранили чтоб лучистые алмазы
Судьбу детей от горечи и сглаза,

Чтоб крепко встал на ноги каждый сын
И вырос до сияющих вершин.

Учителя, что братьев обучали,

К наукам страсть в обоих отмечали.

Казалось, что меж ними состязанье
За большой урожай на ниве знанья

И сами открываются без мук
Врата преподаваемых наук.

Искусно вычисляли братья оба,
Но разницу отмечу здесь особо -

Мирсаб решать особенно любил
Задачи про движение светил

И всей душой желал познать законы
Движенья звезд иль писанные треном,

Считая жизнь для царского служенья
Единственно достойной уваженья.

Рамин же помышлял, покинув дом,
Мир повидать и стать большим купцом.

И потому, лелея в сердце планы,
Рассчитывал маршруты караванов,

Чтоб легче одолев пески и воды,
Товар купить для будущих доходов.

Хоть каждый брат мечтой своей пылал,
Во всех делах другому помогал.

И в выборе игры в часы досуга
Два брата отличались друг от друга.

Близнец Мирсаб, имея ум простой,
Мысль изощрял за шахматной доской,

Где все фигуры словно на ладони
Видны – ферзи, слоны, ладьи и кони,

Где правят дальновидность и расчет,
И вся удача – чей-то слабый ход.

Хитрец Рамин, как разум для науки,
Для народов отточил и ум, и руки.

Настолько зары ловко он кидал,
Что получал ходов сколь сам желал.

Так близнецы игрою овладели,
Что каждый себе равных не имели.

Как крылья птиц рассветы и закаты -
Мелькнула стая – выросли два брата.

И обликом, и статью удались,
В глазах огонь, а стан – что кипарис.

От бед спасать друг друга клятву дали,
И слез перед разлукой не сдержали...

Факих*** Мирсаб - надежный страж закона
Рукой владыки был приближен к трону.

Служением законности горя,
Был облечен доверием царя.

Когда ж правитель молвил о наградах,
Вздыхнул Мирсаб: “Мне лишнего не надо,

Служить готов покуда вижу свет,
И счастлив, коль на пользу мой совет.

Сокровищами многими владея,
Лишь памятью людскою богатеем.

Истлеет плоть, рассыпавшись во прах,
Но вечно имя доброе в веках.

Вели же минарет большой построить,
Чтоб в нем обсерваторию устроить.

И пусть на благо трона звездочеты
Полезные царю ведут расчеты,

Чтоб тайны звезд, мерцающих вдали,
Докладами на стол царю легли

О том, что воля неба предвещает -
Войну иль мир, какие урожаи

По осени дехкане соберут...
Язык обманет, звезды не солгут!

Планет и звёзд мне с детства ведом ход,
Любой смогу проверить я расчет.”

Пришлись царю по сердцу эти речи,
И вскоре минарет расправил плечи,

И наблюденья ревностных ученых
Надежною опорой стали трону -

О чем бы царь узнать ни пожелал,
Ответ назавтра точный получал.

Желанья не спросив, своею волей,
Правитель подарил Мирсабу поле:

“Казне моей не хватит золотых,
Чтоб наградить достойно, мой факих!

Как разумом своим, землей владей,
Расти, что знаешь сам, и богатей!”

Описывая щедрость властелина
Едва мы не забыли про Рамина.

А он меж тем мечты заветной ради,
Торговые дела свои наладил.

И в землях, про которые читал,
Любимым и желанным гостем стал -

Повсюду, мир товаров познавая,
Друзей нашел - от Руса**** до Китая.

С восхода до заката неустанно
Товар везли большие караваны:

Зерно и жемчуг, хлопок и рубин.
На ноги крепко встал купец Рамин!

В краюлюбом, где б сам ни находился,
Рамин повсюду хитростям учился.

Когда ж к немумошенник попадал –
Расспрашивал его и отпускал:

“Хотел разжиться вор моей казною,
Но сам делился знанием со мною”.

Мрачнел порой: “Я крепко стал богат,
Но как живет Мирсаб, мой добрый брат?”

Когда же нам разлуки боль излечит
В отцовском доме радостная встреча?

Хоть мать с отцом я вижу каждый год,
Обнять его все так же не везет.

Любой, кто пост высокий занимает,
Нечасто из столицы выезжает.”

Мирсаб же, верен службе при престоле,
Зерном решил свое засеять поле.

Составил смету, выверил расчет -
Хорош для урожаев будет год! –

Особенно для злаков зерновых.
И денег в долг решился взять факих.

Считая, что ничем он не рискует,
Занять решился сумму пребольшую

И поле заложил в обеспечение,
Чтоб не было в заемщике сомненья.

Оформил педантично договор,
Не зная, что мошенник кредитор.

Не дам я даже имени ему –
Пусть канет безымянным он во тьму!

Незнание того, как лжец лютует,
Не значит, что вреда не существует.

Мошенник знал - не писаны законы
Природным силам, зверю, насекомым

И слугам закопать велел в ночи
Кубышки злой напасти – саранчи!

Едва в тот год оформились колосья,
Незванные на пир явились гости.

Ловили их, кто мог прийти на поле,
Спасая урожай от горькой доли -

За пастбища, посевы и сады
Боролись как с нашествием орды.

Уберегли дехкане край от лиха,
Но съеден урожай зерна факиха.

Обманут был Мирсаб - великий ум
И вскоре изнемог от тяжких дум:

“Мой путь отмечен вехами благими,
Нарушу договор – ославлю имя.

Что змеи расползутся кривотолки:
«Бесчестен царь, когда факихи – волки!

Законы, что препоны, создают
И первыми потом на них плюют.

Не правят – издеваются над нами!»
А там, глядишь, и бунт не за горами.”

Чтоб боль перетерпеть в краю родном,
В родительский Мирсаб вернулся дом.

“Встречайте, из столицы прибыл сын!” -
Сказать успел. Тут вышел брат Рамин

Оставим описание их встречи...
Накрыт был дастархан, горели свечи,

Устав, к себе ушли отец и мать,
Рамин стал к сердцу брата ключ искать:

“Нет счета нами пройденным дорогам,
Мы можем рассказать сейчас о многом,

Но прежде дай мне знать, любимый брат,
Какое горе твой туманит взгляд?”

Не стал Мирсаб таиться и хвалиться -
Свободно дал ручью рассказа литься,

И в разуме искусного Рамина
Сложилась преступления картина -

Мирсаб коварным гадом побежден!
Вскочил Рамин: “Никчемен ваш закон!

Коварство, угрожающее горем,
Мы хитростью ответною поборем!

Грабитель, поступающий жестоко,
Не может не иметь иных пороков.

Дай время, и заскачет этот гад,
Как на углях, иль я тебе не брат!”

Едва Восток зарей озолотился,
Как у Рамина нужный план родился.

Отдав распоряжения купцам,
Уехал по Мирсабовым делам.

В деталях помнил все Рамин и скоро
Сумел найти лихого кредитора.

В одежде брата, с полным скорби ликом
Он начал так: “О бедствии великом

Наслышан ты. Большой неурожай
Постиг меня, хоть поле отдавай.

А что, если судьбу нам испытать,
Да в шахматы заем твой разыграть?”

“За шахматной доскою – каждый знает,
Мирсаб вслепую черта обыграет!

Есть нарды, шашки, карты, домино,
Сам выбирай – мне будет все равно!

Пусть участь игроков решит аллах -
Кто победит, а кто падет во прах.”

Рамина план сбывался. Но для вида
Поколебался он и нарды выбрал.

“Раз мы судьбу Всевышнему вручаем,
Давай же при свидетелях сыграем?”

И с шеи сняв, поставил он на кон
С алмазами семейный медальон.

“Простак Мирсаб совсем ума лишился,
Коль в нарды поиграть со мной решился -

Возликовала тут же мысль злодея -
Он зары толком бросить не умеет!!!”.

Но вот уж все готово во дворе
Свидетели расселись. Быть игре!

В искусстве сам себя превосходя,
Играл Рамин, злодея не шадя.

Мошенник жаром алчности пылал
И раз за разом ставку повышал.

Рамин же, не жалея супостата,
Смог отыграть долги и поле брата.

Вскричал обезоруженный злодей:
”Ты не факих, ты ловкий прохиндей!

Невиданно, чтобы в нардах был я слаб!
Клянись, что не шайтан ты, а Мирсаб!”

“Как кровь у проигравших горяча! –
Скажи при всех откуда саранча

Возникла на моем пшеничном поле,
Во всей стране её не видно боле?

Расскажешь нам всю правду, то не трусь, -
Землею под ногами поклянусь!”

Злодею разрывала душу ярость:
“Судейская ищейка догадалась!

Рискну теперь своею головой,
Попробую разделаться с тобой!”

При муфтии, имаме и хадже
Озвучил грех, лежавший на душе.

Но это дела только половина –
Настало время клятвы для Рамина.

Он взглядом всех свидетелей измерил
И трижды произнес, чтоб каждый верил:

«При многоуважаемых гостях –
Да слышит в небесах меня аллах! –

Клянусь земною твердью под ногами
Факих Мирсаб стоит сейчас пред вами!»

И братский медальон вернув на шею,
Велел под стражу тут же взять злодея.

Забрав свой честный выигрыш с собой,
Рамин счастливый двинулся домой.

Когда ж Мирсаб рассказ тот услышал,
Рукой за сердце взялся, застонал:

«Ты спас меня, но ввергнул душу в ад,
Ты стал клятвопреступником, мой брат!

При божьих слугах трижды клясться ложно!
Как от геенны нам спастись возможно?»

«Живи сто лет, Мирсаб, счастливо дальше!
Нет в клятве, данной мной, ни капли фальши.

На случай тот зыбучие пески,
Заранее я всыпал в сапоги.

С песком соприкасался я ногами,
На грунте твердом стоя сапогами.»

Мирсаба изумленье охватило,
От сердца боль мгновенно отступила:

“Ты во спасенье мне Всевышним дан!
С тобой не совладеет сам шайтан!”

И долго за Раминову подмогу
Благодарил его и милость Бога.»

Как разум бы твой ни был огранен -
Хитер ты будь, умен или учен -

Лишь полностью все грани сочетая,
Спасешь свои от бедствий урожая.

Лишь многогранный разум – чистый клад,
Да будешь ты разумен и богат!

* Мирсаб – араб. благоразумных мудрый, перс. – дорогой король или уважаемый правитель.

** Рамин – Перс. – сильный духом, неподкупный, спаситель от голода и боли.

*** Факих – правовед.

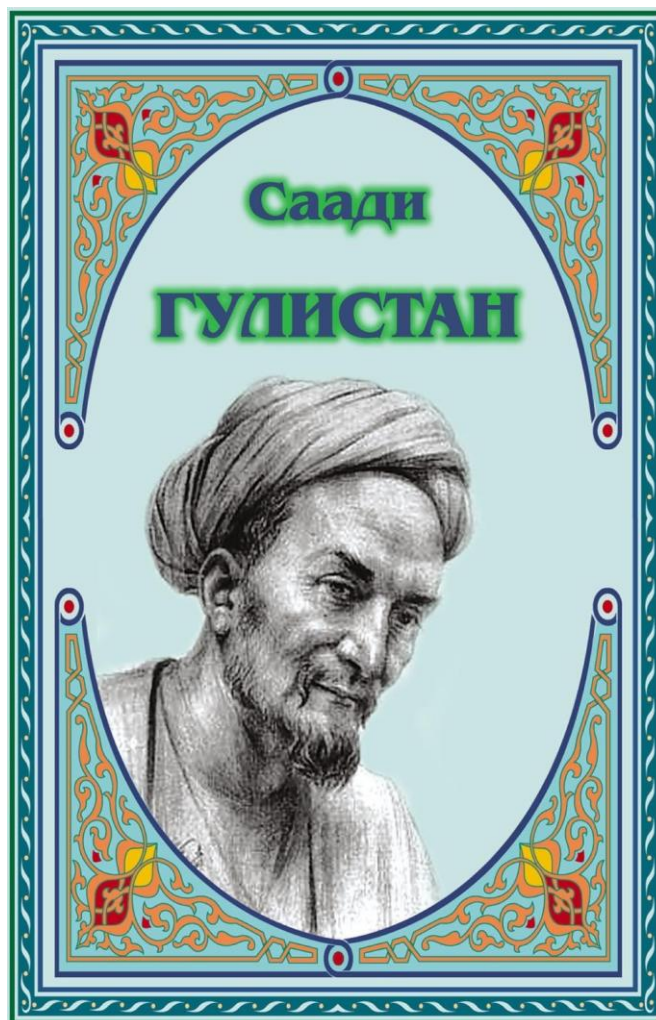
**** Рус – Русь.

Новые издания

«Гулистан» (Розовый сад) наиболее известно из творений персидского поэта-моралиста Саади.

«Гулистан» написан в форме «садж» – прозой с включением рифмованных кусков. Он содержит множество личных историй и притч, взятых из жизни самого Саади, его путешествий и наблюдений. Рассказы заканчиваются одной или несколькими стихотворными строками, которые как бы обрамлены прозой, насыщенной остроумными сентенциями, парадоксами, тонким юмором. Читаете онлайн:

<https://www.litres.ru/book/saadi/gulistan-70259005/>

Остров киш

Остров Киш - красивое место, расположенное в Персидском заливе, недалеко от южного побережья Ирана.

Он является популярным туристическим направлением, и не без причины. Остров славится несколькими потрясающими пляжами, включая неподражаемый пляж Марджан и живописный пляж Дарья-е-Бехранги. Посетители могут наслаждаться плаванием, загаром, сноркелингом и другими водными видами спорта в этих кристально чистых водах.

Кроме потрясающих пляжей, на острове Киш есть несколько других достопримечательностей, которые делают его идеальным местом для путешественников. Одной из наиболее заметных является древний подземный город Кариз. Этот 2500-летний город является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО и является одним из самых увлекательных мест для посещения в Иране. Город состоит из сети туннелей и подземных камер, которые использовались для хранения и распределения воды. Посетители могут исследовать город и узнать о его истории и значении.

Еще одной обязательной достопримечательностью на острове Киш является Дельфинарий. Этот парк является домом нескольких видов дельфинов и предлагает посетителям возможность взаимодействия с этими умными созданиями в безопасной и контролируемой среде. На острове также есть несколько парков и садов, в том числе Ботанический сад Киш, который является домом для множества видов растительности со всего Ирана.

Для тех, кто интересуется шопингом, Киш-остров - настоящий рай. На острове есть несколько больших торговых центров и базаров, где посетители могут найти все от традиционных ремесел до предметов роскоши. Ежегодно на острове проходит Кишская международная торговая ярмарка, которая привлекает посетителей со всего мира.

Жизнь и дыхание в чистом и здоровом воздухе сегодня стали привлекательностью для туристов; в условиях, когда загрязнение воздуха в современном промышленном мире раздражает людей и даже приводит к нарушению их повседневной жизни, представление и создание туристической инфраструктуры в чистых и нетронутых районах Ирана может привести к скачку в развитии туризма

